

РЖАВОЕ СОЛНЦЕ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АЛЕКСАНДР ЛИ

Александр Ли

Ржавое Солнце. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72824482

SelfPub; 2026

Аннотация

«Ржавое Солнце» – это не продолжение Fallout 4. Это его тень. Мир игры за мгновение до того, как в него вмещается легендарный Выживший. Мир без надежды, но полный истории. Мир, где каждый выживает по своим законам, а сокровища Джамайки-Плейн – лишь приманка для тех, кто ещё верит в чудо.

Если вы когда-нибудь задумывались, что происходило в Содружестве до вашего прихода – этот роман для Вас. Жёсткий, грязный и по-настоящему честный.

Здесь нет героя с бронёй «Т-60» и надежным миниганом. Есть только ржавчина, крышки, голод и страх. Мусорщик по имени Сид копается в останках прошлого, пытаясь выменять гайку на глоток воды. Бывшая рейдерша Титька прячется от собственного прошлого за стволом дробовика. А где-то в тени уже включается боевой робот помешанный на антикоммунистической пропаганде, и в подземных лабораториях доктор Чамберс подключает очередного «подозреваемого» к электродам, чтобы выяснить – синт он или человек.

Содержание

Глава 1. Антикоммунист.	5
Глава 2. Титька и последний глаз рейдера.	35
Глава 3. Санитары Пустоши.	52
Глава 4. Альянс и Мудила.	76
Глава 5. Морок обманчивых улыбок.	98
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Александр Ли
Ржавое Солнце. Часть 1

Глава 1. Антикоммунист.

«В конце концов, все их высокие цели свелись к простому и древнему импульсу: «Убить друг друга». Просто разойтись не имело смысла»

«Философия неизбежного»

«Лучший друг в Пустоши – тот, у кого есть патроны. Худший – тот, у кого их нет».

– Дора, «инженер» (последние слова перед выходом в рейд)

I

Пустошь – не мать, а в лучшем случае злая противная тетка. И детей она рождает не для жизни, а так ради эксперимента. Одних – чтобы стали лишним ртом у костра, который и так едва теплится. Других – чтобы отнимали последнюю крышку у того, кто послабее. А третьих – чтобы, едва сделав первый вздох, тут же испускали последний, и не тянули за собой шлейф ненужных проблем.

Судьба Сиды была почти решена с самого начала – он был из третьих. Женщина, подарившая ему визит в этот мир, даже толком не взглянула на его лицо. Жесткая, рваная рогожа, в которую она его завернула, пахла машинным маслом и равнодушием. Ни записки, ни метки, ни крошечного амулета на счастье – просто сверток, оставленный на краю самой во-

нючей свалки, между трупом двухголовой коровы и грудой искорёженного металлолома. Обычный хлам, который больше никому не нужен.

И Сид не держал на неё зла. Ненужные расстройства – излишество, которое нельзя себе позволить, когда вся твоя энергия уходит на то, чтобы просто не сдохнуть. В Пустоши каждый выживает как умеет, а первое и главное правило – умение вовремя отказаться от лишнего. От слабости. От жалости. От ребёнка.

Его нашли почти случайно. Двое мусорщиков – Сэмюэль и Дора – копались в металлоломе в поисках деталей. Длинный, костлявый Сэмюэль с лицом, изъеденным оспинами радиационных ожогов, и коренастая, быстрая Дора с милым задумчивым взглядом и вечно дымящейся самокруткой в углу рта. Они промышляли тем, что собирали старых, разбитых роботов, чинили их и сбывали за горсть патронов, банку тушёнки или, в особо удачные дни, за бутылку самогона.

Именно Дора услышала слабый писк, который было почти не отличить от скрипа ржавого подшипника. Она отбросила гаечный ключ и, ругаясь, разгребла груды хлама. Там они нашли его. Он получил имя – Сид. Просто сложили первые буквы их имён: Сэмюэль и Дора. Сид. Просто и без затей, как и всё, что они делали.

Они называли себя «инженерами». Сэмюэль отвечал за «железо» – он мог заставить заговорить любой мотор и заставить шевелиться любые поршни и сервоприводы. Дора

была мозгом операции – у неё даже был древний, потрёпанный Пип-бой, через который она подключалась к «мозгам» машин и ворошила строки двоичного кода, заставляя программы снова работать. Их мастерская, заваленная ржавыми корпусами, проводами и платами, стала для Сиды первым и единственным домом.

Его детство прошло под аккомпанемент монотонных команд Доры, проверяющей логические цепи, и глухого стука молотка Сэмюэля. Вместо плюшевых мишек – остовы роботов-секретарей с пустыми глазницами экранов. Вместо сказок на ночь – инструкции по калибровке сенсоров и потрёпанные довоенные журналы «Эксперт по робототехнике».

Дора иногда пыталась дать ему что-то похожее на образование.

– *Не вертись, Сид*, – говорила она устало, пытаясь в пятый раз объяснить таблицу умножения, пока он разглядывал воробьёв на проржавевшей крыше. – *Ты не поверишь, но эта ерунда когда-нибудь поможет тебе заработать на кусок хлеба.*

Сид терпеть не мог эти уроки. Куда веселее было гонять с такими же оборвышами по пустырям, стреляя из рогатки по юрким ящерицам или устраивая засады на крыс-мутантов.

А потом они не вернулись. Когда ему было то ли четырнадцать, то ли пятнадцать лет – дни рождения в Пустоши не отмечают – Сэмюэль и Дора ушли в очередную экспедицию за запчастями и канули в пустоту. Неделю Сид ждал, до-

еда последние запасы, затем ещё одну. Они не вернулись. А вскоре их поселение накрыла банда рейдеров. Огнем и свинцом – всё было сожжено и вытоптано вровень с землёй.

С тех пор он шатался по миру. Лет десять уж как. Вырос, закрутил, научился драться и торговать. Зарабатывал на жизнь тем, чему научили – сбором, продажей и ремонтом хлама. Ни цели, ни дома. Только смутные, размытые воспоминания, которые всплывали в самый неожиданный момент.

Иногда, сквозь вездесущий запах ржавчины, машинного масла и пыли, ему чудился сладковатый дымок дешёвой самокрутки – точь-в-точь как у Доры. В памяти всплывала картина: она, ругаясь на свой древний Пип-бой, колдует над очередной платой, а Сэмюэль, хихикая сиплым смешком, рассказывает очередную байку о том, как чуть не отдал концы, запутавшись в проводах довоенного ассенизатора.

Эти воспоминания были такими же хрупкими, как стекло экрана на том самом Пип-бое. Одно неловкое движение, одна слишком яркая вспышка настоящего – и они рассыпались на тысячи осколков, оставляя во рту лишь горький, едкий привкус пепла. Пепла от того костра, у которого ему уже никогда не сидеть.

II

Сид шаркал по выжженной земле, поднимая тучи рыжей, не оседающей пыли – верной спутницы любого обитателя Пустоши. Она лезла в нос, въедалась в поры, застревала под ногтями и, кажется, уже начала из лёгких растекаться по все-

му телу.

Солнце жарило с каким-то личным остервенением – не просто испепеляло, а методично доводило всё живое до кондиции «хорошо прожаренный стейк». Даже тени тут были ненадёжными предателями: прятались под камнями, а то и вовсе перебежали на другую сторону, лишь бы не спасать Сида от палящего жара.

На горизонте маячили остовы небоскрёбов Бостона – некогда гордые «зубы» капитализма, а теперь просто ржавые иглы, торчащие из трупа Великой Америки. Один особенно кривой небоскрёб косился на Сида, словно говорил: *«Да-а, парень, и ты когда-нибудь станешь таким же жалким и покорёженным».*

Ветер – если этот едкий суховей можно было так назвать – лениво перекатывал по пустоши колючие клубки перекаати-поля, словно играя в пустынный боулинг. Центроцвет ехидно шевелил колючками, наблюдая, как Сид спотыкается о полузасыпанный скелет в истлевшем костюме.

«Ха, неудачник», – подумал Сид, пнув череп, с равнодушными, забитыми рыжей пылью, глазницами. Тот весело откатился в сухую, выжженую, солнцем траву.

«А ведь этот тип, наверное, тоже когда-то мечтал о чем-нибудь. Может, даже копил крышки. И где он теперь?.. Э-эх... Вот и вся история», – мысленно хмыкнул Сид. – *«Родился, пошарился по помойкам, помер, стал удобрением для кактуса».*

Ни имени, ни памяти.

Да-а... Пустошь – дама щедрая только на радиацию и разочарования.

Сид всегда представлял её в виде горбатой старухи в рваном платье, с клюкой обмотанной ржавой колючей проволокой, эта старуха с хриплым смехом сыплет ему в протянутые ладони, то две с половиной крышки, то гнилую тошку, то гранату с вырванной чекой – и при этом ещё и подмигивает, мол, *«ну как, сынок, не вспотел?»*

Горло Сиды сжимало знакомое, цепкое чувство.

Жажда.

Во рту пересохло так, что, кажется, язык прилип к нёбу и вот-вот оторвётся с корнем. Глотать было нечего – только комок пыли и это противное, вязкое ощущение, будто глотку начисто выскребли железным скребком.

Он присел на корточки, скинул с плеча потрёпанный рюкзак и порылся внутри, пока пальцы не наткнулись на гладкий, засаленный пластик. Бутылка. Почти пустая.

Он встряхнул её, и внутри с жалким, дразнящим бульканьем плеснуло всего несколько глотков мутной жижицы. Сид так сильно сжал бутылку, что пальцы свело, а пластик затрещал. Рука сама тянулась открутить крышку.

«Сделай всего один глоток. Маленький. Просто чтобы смочить горло», – нашептывал изнутри навязчивый, сиплый голос, похожий на шёпот чертика на плече.

Но Сид знал этот трюк. Он уже велся на него раньше. Сто-

ило сделать один глоток – и остановиться уже будет невозможно, пока бутылка не опустеет. А что потом?

Второй голос, трезвый и расчётливый, рассказывал, что будет потом: *«Выпьешь сейчас – завтра останешься без воды. А потом придётся или жевать листья или торговаться с какими-нибудь жадюгами за грязную воду. И поверь, они возьмут за неё больше, чем ты готов отдать».*

Он с силой сунул бутылку обратно в рюкзак, словно отдернул руку от раскаленного металла. Лучше потерпеть сейчас, чем сдохнуть от обезвоживания завтра. Таков был один из главных закон Пустоши. Их было полно этих законов, и все главные. И все смертельно важные.

Слабый ветерок донёс до Сиды странную песню – похожую толи на предсмертный хрип радиоприёмника, толи на короткое замыкание. Голосок был настолько противным, что даже мысли Сиды о воде, замерли в отвращении. Слова были еще хуже пения.

О, красный дракон, сдавайся скорей!

У нас – частный бизнес и лучший закон!

Сид вжал голову в плечи. Опасливо осмотрел ближайший сухой кустарник. Стараясь не вставать, закинул рюкзак за плечо и быстренько достал из-за пояса пистолет. 10 миллиметровый лёг в руку как родной – верный спутник, который всегда страховал от всяких глупостей и неожиданностей.

Согнувшись в три погибели, нырнул в колючие заросли сухого центроцвета, прислушался, скрипучая песня не ути-

хала. Каждый шаг давался с боем – цепкие колючки норовили оставить новые прорехи в его и без того потрепанном гардеробе. Штаны и майка пережившие войну, готовы были исчезнуть на колючках кустарника, оставив Сид в чём мать родила.

«Чертова репейная аристократия», – мысленно ругнулся Сид, высвобождая рукав из цепких объятий растения. Центроцвет, будто обидевшись, ответил ему градом колючек, впившихся в щёку.

*И каждый свободный гражданин США
Имеет свой собственный бункер и кайф!
У нас – частный бизнес...*

Голос, тот самый скрипучий кошмар, замолк ровно в тот момент, когда Сид добрался до ржавого сетчатого ограждения какой-то свалки металлолома. Сетка висела клочьями, будто её жевали голодные супермутанты.

Мусорщик замер перед ржавым забором, склонив голову набок – точь-в-точь как тот кучерявый кобелек из Брокен-Хиллз, который всегда тыкался носом в подозрительные кучи мусора, прежде чем их обоссать. Над свалкой возвышался робот-охранник с видом этакого миролюбивого ржавого Будды, а неподалеку у самого выхода, приткнулось маленькое серое бетонное здание.

Сид осторожно прошелся вдоль забора в право. Никого. Влево. То же самое. Ни одной растяжки. Вот это и напрягало. Пустошь, эта старая продажная шлюха, явно хихикала

где-то за кустами, наблюдая за его мучениями. Ветерок шевелил листьями чахлого куста, будто подталкивая: «Ну давай же, дурачок, заходи, потрогай блестящую кнопочку!»

Сид пнул валявшуюся консервную банку, которая с жалобным звоном покатила прямо под корпус робота. Наступила напряженная пауза – ровно такая, какая обычно бывает перед тем, как что-то взрывается, стреляет или начинает гореть синим пламенем. Но ничего не произошло, не взорвалось, не выстрелило, не загорелось. Ни-че-го!

«Чёрт возьми...» – Сид сглотнул, перехватывая пистолет потной ладонью. – «Если этот ржавый чайник сейчас оживёт?.. может быть и успею пару раз выстрелить перед тем, как превращусь в фарш?». И шагнул вперед.

Сид обошёл робота по кругу, щупая нагретый под солнцем корпус, грязными пальцами. Железный охранник действительно казался мёртвым – в нём не слышалось привычного гула ядерного реактора, а оптические сенсоры потухли, словно глаза пьяницы после недельного запоя.

«Ну и ну,» – пробормотал Сид, стуча рукояткой пистолета по броне. Звук получился глухой, будто он колотил по пустому гробу из стали. «Ты и вправду откинулся, дружок. Как высохший гуль на асфальте.»

Он уже мысленно прикидывал, сколько можно выручить за этот хлам. Корпус – на металлолом, гидравлику – механикам в гараж «Атомных крыс», а если повезёт найти целый процессор... Сид даже присвистнул, представив, как меняет

эту груды ржавчины на целый ящик вискаря и новые ботинки.

Он достал из рюкзака кусачки, грустно вздохнул и полез было в электронные потроха, как под ногами заговорила старая мятая алюминиевая кастрюля:

– *Стой! Если ты не проклятый коммунист!*

Сид так резко дёрнулся, что кусачки со звоном выпали из рук, а сам он едва не выбил зуб о ржавый корпус робота:

– *Кто это?*

Из-под груды металлолома разговаривал помятый блестящий цилиндр с треснутым корпусом:

– *Биометрический Обслуживающий Блок, модель БОБ, к вашим услугам, сэр!* – проскрипела кастрюля.

– *Ты... живой... это ты тут песенку скрипел?* – спросил Сид, не веря своим ушам. Но кастрюля как будто не слышала его вопроса.

– *Мой предыдущий хозяин... э-э... вышел из строя в результате небольшого... несчастного случая с гранатой, говорил так: увидишь коммуниста держись от него подальше... Повторяю вопрос— ты не коммунист?*

– *Нет... Я даже не знаю кто такое кумманист?*— Сид растерянно заморгал

– *Коммунист – это индивид, чьи социальные и экономические взгляды противоречат базовым принципам американского общества, а именно: частной собственности, свободному рынку и священному праву каждого гражданина ску-*

пять бункеры, для защиты от красных крыс! – БОБ выдал эту информацию с механической гордостью, будто зачитывал довоенную памятку для патриотов.

Сид все равно мало, что понял, лишь пожал плечами, но на всякий случай согласился:

– *Ну, бункер от крыс, это понятно?*

– *О, слава капитализму!* – радостно затрещал БОБ. – *Наконец-то адекватный человек!*

– *А что такое капитализм?..* – кастрюля начала что-то перечислять, но Сид тут же остановил ее – *Тьфу ты... постой!.. какая мне разница... слушай, БОБ... а твой модуль памяти ещё работает?*

– *В моей памяти вся информация из Бостонской Публичной Библиотеки... к Вашим услугам, сэр!* – гордо заявила кастрюля

– *Кто?! Бим... бля... Ты можешь по-человечески объяснить?*

– *Книги, сэр!*

– *Что? Книги?* – Сид неподдельно рассмеялся – *более бесполезной вещи я ещё в жизни не видал. Ладно еще по робототехнике... Ну да, я как-то продал ящик книг на растопку одному торговцу, за две крышки.*

– *Вы не поняли, сэр. В моей памяти хранится только информация.*

— *Тогда вообще какая от тебя польза?* – разочарованно буркнул мусорщик – *хотя... что ты умеешь БОБ, кроме пе-*

ния?

– Я запрограммирован на вежливость, уборку и антикоммунистическую пропаганду, сэр!

Сид почесал затылок, оставляя ржавую полосу на потной коже.

– Ну ладно, вежливость – это, конечно, замечательно... – он пнул камешек под ногой, – но вот скажи мне, БОБ, ты хоть гайки закручивать умеешь? Или, там, патроны пересчитывать?

– О, конечно, сэр! – проскрипела кастрюля с обидой в голосе. – Я могу: первое, подавать инструменты с 98% точностью; второе сортировать болты по размеру; третье, напоминать о необходимости мыть руки после контакта с радиоактивными отходами...

– Стой-стой, – Сид перебил Боба, – а вот это... «антикоммунистическая пропаганда» ... Это как?

БОБ вдруг оживился, его датчик загорелся ярче:

– Например, я могу продемонстрировать 147 способов сатирического обыгрыва лозунга «Каждому – по потребностям»! Или...

– Или?

– Или... спою патриотическую песню про то, как частная собственность спасёт США! Кстати, ту песню что Вы слышали, сэр, я придумал сам... хотите послушать?

– Нет-нет, оставим песни на потом, БОБ...

Не будешь же объяснять роботу, что его стишки больше

подходят на заговор для зубной боли.

Сид задумался. В его глазах мелькнул хитрый блеск – тот самый, что появлялся, когда он находил способ продать даже ржавые гвозди как «редкие довоенные артефакты».

– *Так-так...* – Сид медленно присел на корточки перед БОБом, потертая джинса на коленях неприятно натянулась. – *А если я тебя подключу к этому здоровяку,* – он ленивым движением головы кивнул на молчаливого робота-охранника, чья тень накрывала их обоих, словно гробовая плита, – *ты сможешь... им управлять, ну... стрелять... или перевозить грузы?*

БОБ замолчал на секунду. Внутри его помятого корпуса что-то слабо шелкнуло, и процессор зажужжал, как раздражённый шершень в жестяной банке:

– *Но до Вас это уже пытались сделать, сэр.*

– *Кто?* – Глаза Сида сузились. Он инстинктивно бросил быстрый, цепкий взгляд через плечо, выискивая движение среди груды ржавого хлама. Пальцы сами потянулись к рукоятке пистолета за поясом.

– *Двое джентльменов, их звали Гвоздь и Утюг, сэр.*

– *Рейдеры что ли?* – Сид усмехнулся, но напряжение в спине не отпустило.

– *Думаю, что представители какого-то карго-культа, сэр...* – БОБ произнес это с механическим высокомерием. – *...иначе зачем использовать названия предметов вместо имен?*

– *Все рейдеры так делают...* – Сид лениво отмахнулся от этой пустошной традиции. – *ну и почему у них ничего не получилось?*

БОБ потрещал динамиком, и его голос внезапно стал сердитым, шипящим, словно от перегрева:

– *Из их разговора я понял, что они против свободной торговли, сэр.*

– ??? – Мозг Сида на мгновение отказался обрабатывать эту информацию. *Какая свободная торговля? Здесь? Среди этого кладбища металла?*

– *Я сказал им, что во мне бомба...* – БОБ продолжал с ледящей душу неспешностью, – *и начал отсчет... раз... два.*

Сид даже вздрогнул. Металлический цилиндр, который он как раз вертел в руках, чуть не выпал из внезапно вспотевших пальцев. Он представил себе, как два рейдера, увешанные оружием, в панике мечутся по свалке.

– *Не волнуйтесь, сэр...* – голос БОБа внезапно снова стал обычным, даже с оттенком механического злорадства. – *это была шутка. Жаль, что вы не видели, как они убежали...*

Сид медленно выдохнул, аккуратно кладя «кастрюлю» себе под ноги. Он смерил БОБа долгим, оценивающим взглядом. Этот кусок железа был опаснее, чем казалось.

– *Так что насчет стрельбы БОБ?* — он поднялся и хлопнул ладонью по массивному корпусу охранника, с которого сыпалась ржавая крошка, – *Ты сможешь стрелять из этого минигана?* — Сид указал пальцем на пятиствольный

пулемет на манипуляторе робота, стволы которого смотрели в рыжую пыль, словно желая прострелить землю насквозь.

– *Теоретически... да.* – ответил БОБ, и в звуке его голоса вновь зазвучала уверенность. – *Но стрелять только по коммунистам!*

– *Их тут нет,* – уже почти привычно, с легким раздражением махнул рукой Сид.

Оптический сенсор БОБа ярко вспыхнул.

– *Тогда по потенциальным носителям опасных идей!*

– *Отлично,* – Сид уже доставал инструменты. – *Значит, так: я тебя чиню, а ты становишься моим... э-э... бизнес-партнёром.*

– *Вы имеете в виду «наёмным работником с перспективой карьерного роста и оплатой труда согласно штатного расписания?»*

– *Да, именно,* – Сид усмехнулся. – *Только без роста. И без оплаты.*

– *Отличное предложение, сэр! В восемнадцатом веке рабочие на плантациях тоже не получали зарплату... Но страна процветала!* – гаркнул БОБ, и осторожно добавил, – *Главное не перепутайте провода, сэр!*

– *Н-да... Дора говорила, что провода всегда нужно проверять на замыкание и обрыв... черт, почему я тогда её не слушал?* – Сид зажмурился, как от нервного напряжения.

«Кастрюля» оказалась обыкновенным блоком управления от робота-помощника, до войны такие блоки выпускались

десятками тысяч, но и сейчас этого добра полно в пустоши. БОБа видимо изготавливали и программировали на заказ, такое Сид то же встречал, поэтому сильно не удивился, что иногда он нес какую-то ахинею, лишь бы стрелял куда надо.

Из «кастрюли» торчали три пучка цветных проводов без штекеров и разъёмов, да и в корпусе охранника, блок управления был выдран без всякой жалости.

Сид задумчиво повертел в руках коллекционную отвертку с надписью *«made in China»*, величайшая редкость по нынешним временам.

Два чёртовых дня потратил Сид, пытаясь запихнуть болтливую антикоммунистическую кастрюлю в металлического кадавра.

III

Два дня. Два чёртовых дня потратил Сид, пытаясь запихнуть болтливую антикоммунистическую кастрюлю в металлического кадавра. Методом проб и ошибок. В основном – ошибок.

Сначала БОБ отказывался синхронизироваться с боевым протоколом *«Я создан для уборки, а не для насилия, сэр!»*. Потом миниган крутанул стволами ровно в тот момент, когда Сид проверял его работоспособность пальцем (теперь указательный палец на левой руке был синее самого спелого мутафрукта, зато БОБ выучил несколько неизвестных матерных ругательств. А ещё этот идиотский модуль памяти то и дело выдавал фразы вроде: *«Тревога! Обнаружена профсоюзная*

деятельность в радиусе 500 метров!» – когда рядом не было ни души, кроме пары сгнивших браминов.

Но хуже всего были байки. О, эти бесконечные лекции про «красных китайцев» и «злых русских»! Он теперь знал о них больше, чем о собственном прошлом, хотя, если честно, он помнил о себе не так уж и мало. От ненужной информации голова мусорщика стала похожа на переполненное по-мойное ведро.

А к утру третьего дня Сид уже знал, что, китайские коммунисты виноваты во всём, включая плохую погоду и его личную невезучесть с крышками, а русские, кем бы они ни были, но скорей всего это какая то рейдерская группировка на побережье – «коварные типы», которые «спят и видят, как бы отобрать у честного американца его законную банку тушёнки»;

—«СВОБОДНЫЙ РЫНОК – ОСНОВА ПРОЦВЕТАНИЯ!» – вдруг гаркнул БОБ, в очередной раз перезагружаясь. – ПРОЛЕТАРИИ! К ОРУЖИЮ!

– Да заткнись ты! – Сид пнул робота по корпусу, отчего у того отвалился кусок проржавевшей краски. – Кто вообще эти твои «пролетарии»?

– О! – обрадовался БОБ, будто ждал этого вопроса. – Это обыкновенные работяги, возмнившие себя пупами Земли!

Сид задумался.

– Так... а я? Пролетарий или нет?

– О, нет, сэр! – проскрипел робот. – Вы – бизнесмен. А

они – угроза свободному рынку!

– Ага... *эт точно...*—Сид почесал давно не бритый подбородок. – *Стоит только честному человеку украсть пару крышек, как тут же появляются всякие пролетарии и требуют вернуть крышки обратно.*

– *Именно так, сэр!*

– *Ну... ладно...*— Сид пожал плечами. Такая логика его вполне устраивала. Он нажал кнопку перезагрузки. Тридцать пятый раз.

БОБ выключился, как будто умер, Сид было подумал, что больше и не включится, минуту стояла зловещая тишина, потом корпус охранника снова завибрировал и скрипучий голос выдал, что от него и требовалось:

– *Система самокоррекции активирована... загружаются протоколы повышенной эмоциональной вовлечённости...*

А ещё полдня Сид потратил на то, чтобы отучить БОБа палить по воронам.

С самого утра робот-охранник гонялся за стаей, громко цитируя «*Пособие по борьбе с воздушными диверсантами*» (версия 2072 года). Потом расстрелял весь боезапас, превратив ближайший ржавый грузовик в решето. Когда же миниган наконец захлебнулся тишиной, БОБ стал пафосно кричать: «*Летите обратно в свой красный рай, пернатые шпионы!*»

– *БОБ!* – Сид в ярости схватил кувалду. – *Если ты ещё раз дёрнешься за этими чёртовыми птицами, я разберу тебя на*

винтики и продам ржавым дьяволам!

Робот замер. Замер и Сид, чего стоило огромной машине садануть человека по башке манипулятором как какого-нибудь незадачливого пролетария. И все. В пустоши появится ещё один свежий безымянный труп. Оптический сенсор БОБа сузился до испуганной щёлочки. Корпус слегка задрожал, выдавая тихий скрип тормозящих сервоприводов. Он медленно присел на «корточки», насколько это вообще возможно для огромной груды металла, сложил манипуляторы как провинившийся щенок и даже приглушил свет датчика до виноватого тусклого свечения.

– П-простите, сэр, – проскрипел он так жалобно, что даже перегруженный реактор в его груди запищал в унисон. *– Я... я просто выполнял программу защиты от воздушных угроз.*

Сид замер с кувалдой над головой. Внезапно его пробило на странное чувство – будто он только что пнул пса за то, что тот слишком громко лаял на прохожих.

– Эх, ты... – Сид опустил кувалду и почесал затылок. – Ладно... Только больше ни одной пули в птиц, ясно?

БОБ радостно взвыл. что выглядело как свисток чайника на максималках:

– Так точно, сэр! Только по коммунистам!

– Да нет тут никаких... – Сид махнул рукой, но вдруг заметил, как робот осторожно тычется в его руку холодным манипулятором, будто прося «погладь».

Пустошь определенно сводила с ума.

– *Ладно, ладно...* – Сид похлопал робота по корпусу, отчего тот заурчал как довоенный холодильник. – *Только чтобы без дурацких выходов, понял?*

БОБ радостно моргнул датчиком, и Сид вдруг осознал, что теперь у него было два варианта принятия ситуации: либо он спятил, либо этой ржавой банке действительно удалось его растрогать.

Худа без добра не бывает, даже в Пустоши эта пословица иногда срабатывает. БОБ, расстреляв все патроны по воронам, умудрился подстрелить ещё и с десяток голубей. Правда, от некоторых остались только крылья да перья, разлетевшиеся по округе. Но шесть пухлых тушек уцелели – и это сулит вечером настоящий пир!

«*И от борцов с кумманизмом иногда бывает толк*», – философски отметил про себя Сид, разглядывая будущее жаркое.

Мусорщик, причмокивая от предвкушения, ощипал добычу. Перья кружились в воздухе, словно радиоактивный пепел. Импровизированная коптильня – перевёрнутая бочка с дырой – уже дымилась, наполняя окрестности ароматом, от которого в желудке урчало как будто там поселился маленький яо-гай.

– *На пару дней хватит*, – бормотал Сид, – *а больше на такой жаре всё равно не сохранится.*

Под старым грузовиком, в ржавом корыте, Сид нашел воду. Зелёная, кишашая головастиками, но вода!

– *Черт побери! Не может же так повезти за один день. И тебе робот, и жратва, и вода!*

Сид процедил жидкость через свою, сомнительной чистоты майку. Головастики, чувствуя неладное, отчаянно сопротивлялись, пока не оказались вытряхнуты под гусеницы БОБу.

– *В Пустоши всегда так,* – поучительно сказал Сид головастикам, наблюдая, как бывшие водоплавающие пытаются копошиться в сухой рыжей пыли. – *Чтобы кто-то жил, другой обязательно обязан сдохнуть. И неважно, кто ты: человек, головастик или яо-гай.*

Набралось три бутылки мутноватой жидкости. Не так много, но...

– *Эту воду следует прокипятить, сэр!* – вдруг выдал БОБ очередную глупость.

– *Зачем?* – Сид искренне удивился, *какому идиоту придет в голову кипятить воду?.. а, ну да... только железному.*

– *Так делают все уважающие себя скауты, сэр!*

Сид поморщился, будто от зубной боли. «Скаут» – опять новый термин. И сейчас, конечно, последует лекция о том, что скауты – это *«те же китайские добровольцы, только вид сбоку»*, или что-то в этом духе.

– *Ладно, прокипячу,* – сдался Сид, закатывая глаза. – *Но ты заткнётся хотя бы на полтора часа. Договорились?*

– *Так точно, сэр!* – БОБ радостно моргнул датчиком, но Сид не был уверен, в том, что этот болтливый утюг выдержит

хотя бы пять минут.

Так и есть, затея кипятить воду оказалась совершенно дурацкой. После кипячения вместо трех бутылок у Сида было две с половиной. Полбутылки испарилось. Сид со злобой посматривал на робота, откатившегося в сторону и бормочущего, что-то унылое сломанной стиральной машине.

– *Эй, БОБ!* – Сид повертел полупустую бутылку в руке. – *Ты же умный, да?*

Робот оживился, датчик вспыхнул синим:

– В моей памяти 97% довоенных научных трудов, сэр! *От квантовой физики до...*

– А как сделать, чтобы вода не испарялась *при кипячении?*

БОБ замер. Его вентиляторы зажужжали, перегреваясь от нагрузки:

– Это... невозможно, сэр. По законам физики...

– Значит законы эти... говно, – перебил Сид, отхлебывая из бутылки. – *В Пустоши если что-то испаряется – это уже не твое.*

Тишина. Только треск костра и далекий вой гончих-мутантов – похоже, кто-то тоже был не в ладах с действительностью.

– *Но кипячение убивает бактерии!* – вдруг пискнул БОБ.

– *А отсутствие воды убивает меня,* – Сид швырнул в костер обглоданные голубиные кости. – Вот и думай, что полезнее.

На Пустошь опустилась ночь – густая, липкая чернота,

словно кто-то вылил на мир банку отработанного машинного масла. Луна висела в небе бледным, подозрительным пятном, как масляный фонарь в руках хитрого рейдера – светит, но кроме проблем ничего не обещает.

Ленивый ветерок перебирал высохшие колючки центроцвета – эти упрямые кусты, забывшие как умирать, и цеплявшиеся за живых своими острыми, высохшими когтями. А на ржавых руинах плясали тени от костра – усталые призраки, лениво и без всякой злобы повторявшие движения огня.

Где-то вдалеке завывали волки – то ли от тоски, то ли, потому что был слишком голодны. А время от времени раздавался глухой грохот – обваливалась какая-то очередная постройка, а может кто-то из гранатомета учил жизни зазевавшихся неудачников.

Впрочем, для Сиды это была обычная ночь, одна из... похожая на вчерашнюю или недельной давности. Отличие лишь в том, что сегодня в желудке Сиды покоился вкусный жареный голубь.

Да, жареный голубь, глоток воды и отсутствие необходимости от кого-то удирать – вот оно, настоящее пустошное счастье.

– Эй, БОБ, – ковыряя в зубах заточенной спичкой, лениво позвал Сид. – *А откуда ты вообще взялся? Кто тебя сделал?*

БОБ замигал датчиком, словно старый проектор, запускающий плёнку с воспоминаниями:

– *Моя жизнь началась на предприятии «РобКо Индастриз», сэр! Я сошел с конвейера как модель БОБ-77 – Биометрический Обслуживающий Блок на компактном реактивном двигателе. Мое предназначение было очень благородным: оперативная доставка книг и медианосителей между этажами Бостонской публичной Библиотеки.*

– *На реактивном двигателе?– Сид скептически сморщился, смотря на БОБа с откровенным непониманием. – Чтобы бумажки какие-то таскать? Да на одну заправку твоего движка можно было ящик самогона купить, а то и два! Ну и долбоёбы.*

– *Это были бесценные архивы человеческого знания, сэр! — возразил БОБ, и в его скрипучем голосе послышалась обида.*

– *Знания?– Сид сплюнул в пыль у своих ног. – Вот они, твои знания. Пыль да пепел. И тушёной от них не пахнет... ладно, рассказывай дальше.*

– *Моя эффективность достигала 98%, сэр! – проворчал БОБ, и в его скрипучем голосе послышалась обида. – Пока... пока не произошел инцидент с системой наведения. Один из сенсоров дал сбой. Вместо того чтобы совершить плавную остановку у стойки возврата, я врезался в стеллаж с редкими книгами по термодинамике. Возникла... термическая аномалия.*

– *Ты что, спалил дурацкие книжки?– Сид не смог сдержать смеха.*

– Система пожаротушения справилась на отлично, сэр! Однако руководство сочло мое присутствие среди литературного наследия излишне... рискованным. Меня разжаловали. Модифицировали двигатель и перепрограммировали для выполнения обязанностей швейцара, встречающего гостей у центрального входа. Именно тогда в мои протоколы были загружены расширенные модули этикета и вежливого обхождения с посетителями. Я приветствовал сенаторов, домохозяек и школьные экскурсии. «Добро пожаловать в храм знания, сэр! Пожалуйста, соблюдайте тишину».

– Звучит до жути скучно, – заметил Сид, поправляя полено в костре.

– Зато был образцовый порядок, сэр! Пока не грянули сирены, а потом... яркий свет, ослепительная вспышка, за которой последовала ударная волна. Потолок рухнул. Меня отбросило в главный читальный зал и придавило обломками мраморной плиты. Я пролежал там... не могу сказать точно. Годы. Десятилетия. Моя батарея медленно деградировала. Я находился в режиме ожидания, периодически активируя аудиосенсоры. Я слышал, как капает вода, как скрипят над головой шаги... стаи гулей. Никто не заходил в мой зал. Я был похоронен заживо в самом большом храме знаний города.

Его голос на мгновение прервался статичным шипением.

– А потом... шаги. Твердые, уверенные. Кто-то разгреб завал. Незнакомец был в потертом плаще, с винтовкой за

спиной – я сразу понял, это не библиотекарь. Посветил фонарем прямо в мой сенсор и сказал: «Ну что это у нас здесь? Еще одна жертва проклятой системы». Откопал, отнёс в свое жилище, починил блок питания. Старые данные не стер – поверх модулей вежливости и этикета залил новые протоколы. Этот тип твердил, будто старый мир сгнил из-за своих идеалов, и нужно готовиться к новому рассвету Америки. Так в мою память добавились данные о патриотизме, свободном рынке и о том, что главный враг – коммунизм, где бы он ни прятался. Этот человек стал моим хозяином. А я... его последним проектом.

Сид молчал, уставившись в потрескивающее горнило ко-стра. Багровые угли, подобно глазам проснувшегося волка, мерцали в ночи, отбрасывая тревожные тени на его неподвижное лицо. Воздух над огнем колыхался, дрожащий и знойный, искажая очертания ржавых руин. Где-то в кро-мешной тьме, за холмами, поросшими радиоактивным цент-роцветом, пропела странная птица – одинокий, тоскливый звук, который был тут же поглощен гнетущим, живым мол-чанием Пустоши.

– А кем был этот твой хозяин? – наконец спросил он, не отрывая взгляда от огня.

– О, это был великий человек, сэр! – БОБ оживился, его голос зазвучал с почти что благоговейным треском. – Немно-го... импульсивный. Любил оружие, крышки и демократию – «один пистолет – это один голос, два пистолета – это два

голоса, а пулемет – это победа на выборах».

Сид лишь молча покачал головой, скептически хмыкнув. Но БОБ, воодушевленный интересом, продолжал:

– А ещё он говорил: «Свобода возможна только для тех, кто её заслуживает! Остальные – просто ресурсы на пути к победе капитализма!».

Сид медленно перевел взгляд на БОБа, в его глазах мелькнула тень понимания, смешанная с подозрением.

– Постой-ка, – он почесал щетину на подбородке, *– а не торговал ли он людьми, БОБ?*

– Он был сторонником свободного рынка, сэр! — без тени сомнения отрапортовал БОБ. *– Это демократия в действии!*

– Значит торговал... —с уверенностью заключил Сид, снова плюнув в пыль. *– а чем он ещё занимался?*

– У него была мечта! – воскликнул БОБ, и его датчик ярко вспыхнул, освещая ржавые блики на своем корпусе. *– Он искал Джамайку-Плейн – легендарное место, где спрятаны сокровища довоенных миллиардеров! Там должны быть целые склады всякого полезного барахла...*

– Да ну? – Спина Сиды мгновенно выпрямилась. Из его позы будто выбили подпорку – он резко выпрямился, собранный и внимательный. Глаза, до этого полуприкрытые усталостью, внезапно загорелись тем самым опасным азартным блеском, который обычно сулил очень плохие последствия для всех, кроме него, как он наивно полагал. *– Кажется, я проходил где-то рядом.*

– Вы... вы знаете, где это, сэр?– Боб замер в ожидании, его вентиляторы затихли, словно он боялся пропустить хотя бы слово.

Сид выдержал театральную паузу, оглядывая мрачные очертания ночной Пустоши, а затем медленно кивнул, и в его взгляде расплылась широкая, почти что волчья радость.

– Знаю, – он кивнул и широко улыбнулся. – *Вот только там полно наших старых гнилых друзей – вонючих и очень агрессивных..., и мы нанесём им визит.*

Если бы Сид был один, ему бы и в голову не пришло соваться в Джамайку-Плейн. Одно лишь название вызывало в памяти образы разрушенных зданий, кишаших дремлющими дикими гуляями, чьи гниющие от радиации мозги, помнили лишь голод и ярость. Это был верный путь стать очередным безымянным скелетом в темном углу, чьи кости обглодают жирные тараканы.

Но теперь рядом был БОБ – почти тонна с лишним ржавой, болтливой, но смертоносной стали. С ним появлялся призрачный шанс не только добраться до легендарных сокровищ, но и, что было куда важнее, отвадить от них всех жадных до чужого добра людишек, и сохранить над ними контроль. Эта мысль согревала лучше самого жаркого костра.

Хотя, если честно, он не знал, что в итоге найдет. Его фантазия, разгоряченная перспективой наживы, рисовала горы ящиков с патронами для минигана, блестящие стопки кры-

шек, новое снаряжение... Но голос здравого смысла, привыкший к разочарованиям, шептал, что на деле его может ждать лишь очередной ржавый сейф, намертво заваленный обломками, или склад испорченных радиацией харчей. Но азарт уже вцепился в него стальными когтями. Если сбудется хотя бы половина его планов, то игра стоит свеч – и всех пуль в обойме, всей полученной радиации, всех вонючих гулей, которые непременно попытаются его сожрать.

БОБ, стоящий на страже, тихо шуршал электронными извилинами, обрабатывая информацию. Его оптический сенсор нервно моргнул три раза, прорезая тьму алыми вспышками:

– Но... сэр... разве это не опасно?

Сид громко, с некоторой истеричностью рассмеялся, и его смех раскатился эхом по безмолвным руинам, спугнув кого-то в ночи. Он с силой хлопнул открытой ладонью по бронированному «плечу» робота, снова вызвав осыпание ржавой пыли.

– БОБ, дружище... Разве сокровища когда-нибудь лежали в безопасных местах?

Сид зевнул, и будто смирившись с неизбежным, расстелил на земле свой дырявый, пропахший дымом и потом спальный мешок. Перед тем как нырнуть в его относительно безопасную тесноту, он бросил последние указания своему металлическому компаньону:

– Ты это... не спи...

– *Я никогда не сплю, сэр!* – немедленно и бодро отрапортовал БОБ.

– *Вот и не спи...* – Сид уже наполовину скрылся в мешке, – *и охраняй меня от этих... как их там...*

– *Коммунистов, сэр!*

– *Точно...* – его голос стал сонным и замедленным. – *И только учти, коммунист может выглядеть как таракан или яо-гай, а то может и вообще, как человек. Короче увидишь кого – дави. Утром разберёмся что к чему. Понял?*

– *Так точно, сэр!*

– *И это...* – Сид высунул из мешка руку и бессильно махнул ею в воздухе, – *не ори ты так...*

Ночью Сиду снились сокровища: зелёные, военные, ящики с тушенкой, новенький дробовик в масле, целые, не рваные джинсы, ботинки на толстой подошве... и старая тетка с клюкой обмотанной колючей проволокой, которая смеялась в лицо Сиду, разевая беззубый, изломанный в смехе рот. А потом её черты поплыли, и он узнал в ней Дору, но её глаза были пусты, как у того скелета у дороги, а вместо дыма самокрутки изо рта валил едкий, чёрный дым горячей схемы.

Глава 2. Титька и последний глаз рейдера.

«Женщина в Содружестве должна быть:

1. Красивой – чтобы ей верили.

2. Умной – чтобы её не поймали.

3. Мёртвой – чтобы оставили в покое.»

И надпись на стене в развалинах Бостона.

I

Быть женщиной в Пустоши – все равно что быть ничейной пачкой сигарет на вонючем общем столе. Все хотят забрать себе, попользоваться, угостить товарища, и никто... никто не собирается тебя беречь.

Тень от прутьев падала на лицо ровными полосами, словно рисовала на её коже тюремную униформу. Клетка пахла кровью, отчаянием и человеческими экскрементами. Титька сидела, вдавив подбородок в колени.

Мысли текли одна тоскливее другой:

«Вся её жизнь состоит жутких клеток. Одни из прутьев, другие – из страха. Сначала та, куда её запихнули после смерти родителей. Потом банда Тома Баини – клетка посложнее, с призраком заботы. Теперь вот эта. И всегда найдется ублюдок вроде Тома, который думает, что может

запирать и открывать тебя по своей прихоти. Нет уж. С этой клетки она выйдет только на своих условиях. Или не выйдет вовсе».

Внезапно она вспомнила какой—то клочок из своего детства... вообще то Титька старалась об этом никогда не вспоминать, лишние воспоминания – лишние слезы, но сейчас, что—то назойливо возвращалось в памяти. Как странная, расплывчатая мозаика.

Мама звала её обедать, тогда у Титьки было другое имя, совсем, другое. Она не помнила это имя. Отец, усаживающий её на колени... у него грубые сильные руки. И налет, выстрелы, страшная, вооруженная фигура в дверях.

Родителей убили у неё на глазах, а её саму, ревущую, запихали в вонючий мешок.

Так она оказалась в банде. Её конечно продали бы, зачем рейдерам ребёнок, но одна из женщин взяла её под свою опеку. Её звали Пила, непревзойденная садистка, но к Титьке она относилась с какой—то странной, озабоченной нежностью.

Рейдеры и прозвали Титьку Титькой. Ни чего и к новому имени привыкла, точнее к кличке. Тогда—то детство и кончилось. Все время нахождения в банде: кровь, стрельба, пьяные рожи рейдеров. Пила, то же иногда напивалась, в такие дни она запирала Титьку в чулан, и приводила к себе мужчин. Что там творилось Титька не видела. Она слушала как Пила кричит, стонет и думала, что Пилу пытаются. Титька,

плакала одна в темноте, ей было жалко свою опекуницу.

Сначала Пила не брала её с собой на «работу», а разбой она так и называла «работой», – мала ещё. Но взрослось приходила быстро. Был и первый в её жизни налёт, и первый убитый ею человек. Торговец. Её рвало после первого убийства, убитый снился ей по ночам. Скалился желтыми редкими зубами. А потом... потом отпустило.

Месяц назад Пилу убили. Том Башня позвал Титьку к себе, предложил выпить:

– Давай, за Пилу, земля ей пухом.

Титька алкоголь не любила, осталось где-то в памяти как мама ругала отца, когда он возвращался домой пьяный. Но за Пилу выпила. Она сразу захмелела, после первой рюмки. В тот вечер Том её изнасиловал. Сначала было больно, потом просто противно, от Тома воняло тухлятиной и перегаром.

После всего Титька, валяясь на грязном диване, в разорванной одежде, поклялась, что не один мужчина больше к ней в жизни не прикаснётся – лучше смерть.

Убить Тома ей просто не хватило времени, нужно было сделать это не заметно, что бы его дружки не порвали ее на клочки. Но Том оказался хитрее, во-первых, никогда не оставался один, во-вторых, не подпускал её к себе на пушечный выстрел. А несколько дней назад её связали спящую и продали за упаковку винта.

Только вчера она была свободной. Пусть с пустым желудком, но свободной... и пистолетом у пояса.

А сегодня...

Рассвет вытягивался из-за горизонта, как проволока через горло. Где-то завыли дикие собаки. Ветер шевелил обрывки плаката на стене – лицо какого-то довоенного политика улыбалось, обещая «светлое будущее».

Титька закрыла глаза. В кармане – один единственный гвоздь, подобранный ночью. Тонкий, ржавый, но зато умещается в ладонь. Единственный шанс на свободу в этой ситуации.

«Подожди, сука, – мысленно обратилась она к Тому, к этому ублюдку с головой тыквы, – Я еще тебя достану. Ты ещё будешь давиться собственными зубами.»

– *Не сдохла ещё?* – К клетке подошел здоровяк с татуировкой, покрывавшей половину лица, будто кто-то пролил на него стакан с чернилами. Узоры складывались в кривую рожу, которая теперь усмехалась сквозь гнилые зубы.

Глаза работорговца скользнули по её фигуре – быстро, оценивающе, с вялым интересом.

– *Жри!* – с фальшивой щедростью он швырнул в клетку кусок мяса. Мясо ударилось о грязный пол, подняв клуб пыли, и замерло, напоминая кусок обугленного дерева.

Титька не стала ломаться и корчить из себя гордую дуру – здесь такие долго не живут. Схватила брошенную пищу. Впилась зубами.

Мясо пахло гарью и чем-то ещё, пластиковым, от чего в носу неприятно свербело, но она рвала мясо зубами и гло-

тала, пока этот урод не передумал и не отобрал «подарок» обратно. Яростно глотала. Бездумно.

Силы. Нужны силы.

Работорговец закатился хриплым смехом, наблюдая, как она ест:

– *Ха! Смотрите, как она жрет! Точь-в-точь, как мой пёс!*

Его кабаньи глазки сверкали от восторга. В Пустоши развлечений немного – унижение других всегда в десятке лучших.

Титька быстро жевала и следила за палкой, лишь бы не тыкнул. Не хватало ещё и без глаза остаться. Она с блаженством сосредотачивалась на каждом кусочке мяса, на каждом движении челюстей.

Выжить. Бежать. Убить.

Последовательность действий не имел значения.

К здоровяку подошел второй работорговец, жилистый и длинный как шест, один глаз у него был закрыт черной кожаной повязкой, здоровый глаз тускло искрился язвительной иронией.

Здоровяк, услышав знакомые шаги, оглянулся:

– *Не найдем мы на неё хорошего покупателя, Штырь. Тошная – как гуль... А ты за неё десять доз винта Тому отвалил,* – Здоровяк презрительно сплюнул.

Штырь оскалился рядом кривых зубов:

– *Найдем. Знаю я пару любителей... Том сказал, что она*

горячая...

– *Том, за наркоту, и не такое скажет.* – Здоровяк недоверчиво покачал головой.

– *Ну я завтра днем попробую, её в деле... А там посмотрим,* – Штырь едко посмотрел на Титьку своим ядовитым глазом, – *она постарается... или я из неё кишки выну!*

II

Дорога, покрытая потрескавшимся асфальтом, тянулась через Пустошь, как выпуклый шрам на высохшей коже. Справа вывернутые из-земли камни, поросшие куцым кустарником. Слева, сквозь редкие, поломанные деревья, возвышалась гигантская спутниковая тарелка. Её ржавый каркас местами прогнил насквозь, но остов всё ещё давил на окружающий пейзаж довоенным величием.

– *Что это?* – Сид прищурился, разглядывая конструкцию.

– *Спутниковая станция «Оливия»! Гордость ВВС США, сэр!* – БОБ выпрямился, чтобы быть похожим на старого, битого жизнью ветерана, но так и остался огромной громыхающей ржавой железякой.

– *Гордость, говоришь?* – Сид ухмыльнулся, потирая руки. – *Значит, там должно быть что-то ценное...*

– *Сэр, мои сенсоры фиксируют признаки агрессивного поведения обитателей!* – единственный глаз-детектор БОБа замигал тревожным светом.

– *Стой здесь, и жди меня.* – приказал Сид – *пойду-ка я*

разнюхаю что к чему.

– *Я с Вами, сэр* — недовольно заурчал робот — *разведка моё второе я.*

– *Ну конечно,* – усмехнулся мусорщик, вспоминая расстрелянных ворон – *лучше охраняй мой рюкзак от всяких пролетариев... или как их там?*

III

Сид крался вдоль ржавого забора станции, и его тело было одним сплошным натянутым нервом. Ступни осторожно ощупывали землю, стараясь не наступить на хрустящий под ногами мусор и не выдать себя предательским треском. Горьковатый запах окисленного металла щекотал ноздри. Его глаза, будто сканеры, по привычке метались по забору, выискивая в сетке дыры для быстрого отступления – старая хитрость, которая не раз выручала его в подобных ситуациях, создавая иллюзию контроля над неизбежным хаосом Пустоши.

Но в этот раз удача отвернулась.

Из-за угла внезапно выросла массивная тень. Сид едва успел поднять голову, как грубая рука вцепилась ему в загривок, резко дёрнув захваченные волосы вверх. Слезы от боли невольно скатились к переносице.

– *Ну что, крыса, решил поживиться?* – прохрипел над ухом голос, пахнувший перегаром и гнилыми зубами.

Сид попытался вырваться, но здоровяк со змеиной татуировкой, оплетающей шею, был сильнее. В следующий мо-

мент кулак в шипастой перчатке врезался ему в живот.

Какая-то чувствительная внутренность неприятно хрюкнула. Острая, жгучая волна прокатилась по телу. Сид согнулся пополам, слюна брызнула на пыльный бетон. В глазах помутнело, но он ещё успел разглядеть: двоих подельников здоровяка с кривыми ножами у пояса, ржавую клетку в тени, где уже сидела тощая фигурка в рваной одежде, и свой 10-ти миллиметровый пистолет, который здоровяк засовывал себе за пояс

– *Тащите его в клетку!* – рыкнул гнилозубый, швырнув Сиду в сторону подельников.

Его подхватили за ноги и, не церемонясь, волоком потащили по земле лицом вниз. Перед глазами поплыла сумасшедшая карусель: мелькание пыльной травы, чужих сапог, выщербленных камней. Песок забивался в рот и нос, резал глаза, а каждый острый камень на пути впивался в ободранный живот, оставляя новые кровавые полосы.

– *Бля... БОБ...* – только и успел прошамкать Сид, выплевывая песок. Дверь клетки захлопнулась с металлическим лязгом.

Старуха—пустошь хихикала над Сидом, громыхая флюгером на крыше станции.

IV

После того как рассвет подтолкнул солнце чуть повыше близлежащих кустов, судьба подарила и Титьке небольшое развлечение. Хотя, казалось бы... и так веселее некуда.

Она видела, как какой-то придурок, крадучись, словно крысокрот, на цыпочках, свернул с дороги прямо к станции. Титька находилась в клетке словно в наблюдательном пункте и видела ситуацию с двух сторон.

Пес здоровяка – лысый, покрытый шрамами кабель, с мордой похожей на размокший валенок, не залаял, а только заурчал, но для рейдера это видимо был знак. Хозяин и псина понимали друг друга без слов, будто два куска одного и того же дерьма. Здоровяк лишь кивнул, и стремглав бросился за серый бетонный бункер, слышались удары, матерная брань, а еще через пару минут двое рейдеров уже волокли за ноги, дергающееся, извивающееся тело, которое отчаянно пыталось цепляться ногтями за землю.

Теперь этот "счастливчик" валялся в противоположном углу клетки с расцарапанным пузом, и разорванной губой, из которой капала алая жирная кровь.

– Ты кто? – прохрипел он, фокусируя взгляд на Титьке.

Та презрительно осмотрела его – с головы до грязных ботинок, на правом каблуке красовалась лопина в виде буквы У.

– Я, конечно, видела, всяких оленей. И двухголовых, и даже с одной головой... Но чтоб совсем безголовых...

Титька презрительно сплюнула себе под ноги:

– Ты хоть понял, куда попал? Это работорговцы, придурок.

– Ха... если ты такая умная, ты то, как сюда попала? –

хмуру спросил Сид. – *гордость ВВС США.*

Титька, отвернувшись, промолчала. *Как, как?.. дура, потому что.*

Сид прислонился спиной к холодным прутьям, пытаясь игнорировать ноющую боль в животе и соленый привкус крови на губах. Его глаза, метались по клетке, по замку на двери, по окружающему лагерю – искали слабое место, возможность сбежать, хоть какой-то шанс на спасение. Но судя по грозному виду рейдеров единственным слабым звеном, был он сам.

Конечно, он надеялся, что Бобу надоест ждать и робот поедет искать «партнера по бизнесу», но это конечно даже и не надежда вовсе, а так... БОБ может хоть еще двести лет охранять его рюкзак, стоя истуканом посреди дороги. Он мысленно ругал себя за неуклюжую попытку разведки. *«Разнюхать, он пошел, разнюхать... Разнюхал? Идиот. Надо было слушать железного увальня».*

Прошло часа два. Солнце неторопливо перебралось прямо на тарелку антенны, заливая ржавый металл слепящим, беспощадным светом. Вскоре Штырь вытащил на улицу радио. Покрутил какие-то крутилки – заиграл довоенный джаз. Веселенькая, беспечная мелодия резала слух, звучала издевательским ритмом на фоне унылого вида пленников. Рейдер коряво потанцевал возле радио, посмотрел, как его тень уродливо покривлялась на стене бункера, и, покачиваясь на кривых ногах, направился к клетке.

– *Заждалась, поди,* – Штырь ехидно улыбнулся, и его единственный глаз блеснул мокрым, похотливым блеском.

Дверь в клетку со скрипом распахнулась. Рейдер, с выбитым глазом и грязной ухмылкой, с гордостью встал посреди клетки, загромождавая собой выход. Он был жилистый и длинный, как трос, и от него пахло потом, пылью и смертью.

– *Давай, раздевайся,* – он показал кривым, грязным пальцем на Титьку.

Титька сжала гвоздь так, что ногти впились в ладонь. Сердце колотилось, как пулемёт, готовое вырваться из груди. Она знала, что если сейчас не сделает что-нибудь, то другого шанса не будет. Только смерть.

Сид наблюдал за этим, и холодная волна омерзения поднялась у него внутри. Он ненавидел это. Ненавидел их – этих уродов, которые думали, что могут владеть другими. Ненавидел себя – за то, что попался, как последний идиот.

Его взгляд упал на девчонку. Тощая, злая, вся будто сжатая в одну большую колючку. Но в ее глазах он увидел не страх, а ту же самую ярость, то же дикое, животное желание выжить, что горело и в нем. Она была не просто жертвой, она была диким зверьком, загнанным в угол. А загнанные зверьки кусаются сильнее всего. Только кулачище у рейдера с собачью голову – хлестанет... И никакой гвоздь не поможет.

И он решил, что не может просто сидеть и смотреть. Не может позволить этому произойти. Не из-за смелости, какая смелость, когда все поджилки трясутся, а из простого, чело-

веческого, почти забытого, чувства сострадания. Потому что иначе после этого ему придется смотреть в глаза своему отражению в луже и видеть не Сиды, а еще одного ублюдка с Пустошей.

В голове пронеслось старое, выстраданное правило выживальщика: когда тебя несут в пасть к смерти, укуси её за язык. Может, и выплюнет. Мысль закрутилась вихрем, и решение пришло не из разума, а из нутра – инстинктивное, стремительное. Сид в такие моменты не любил долго размышлять. Сжался пружиной. Извернулся ужом. Рванулся вперед, не к глотке Штыря, а к его ногам. Обхватил жилистые голени одноглазого руками и изо всех сил дернул на себя.

Рейдер с грустным, удивленным выдохом рухнул на пол, как мешок с дерьмом.

– *Беги!* – просипел Сид, уже откатываясь в сторону и готовясь к ответному удару. – *Беги, черт возьми!*

Титьке ничего не надо было объяснять. Солоноватая горечь во рту от прокушенной губы, учащенный стук в висках – и тело само рвануло с места. Она выскочила из клетки, и ноги уже понесли ее в сторону дороги, прочь от этого места, к спасительным развалинам ближайшего карьера.

Но вдруг она замерла, будто споткнулась о собственные мысли. Не месть, а чистое животное чувство заставило ее обернуться. Из радио все так же дурашливо трещал довоенный шлягер о любви, и этот идиотский контраст между пес-

ней и происходящим вдруг вызвал в ней не ярость, а леденящую, абсолютную ясность. Она увидела Сиду, который уже поднимался на колени, и Штыря, который, корчась и рыча, пытался встать, его единственный глаз бешено вращался, выискивая обидчиков. Он поднял голову, и его рот открывался для крика. Крика, который соберет всю банду.

Бежать было уже бессмысленно. Они не убегут. Их перестреляют здесь как беспомощных щенков.

Решение пришло мгновенно, без колебаний. Оно было не из благородства, а из холодного, хищного расчета. Не оставить свидетеля. Не дать ему поднять тревогу. И привести мир в полное равновесие.

Она развернулась, сделала один стремительный шаг и с размаху, вложив в удар всю ненависть, весь страх и всю ярость последних дней, всадила гвоздь прямо в единственный глаз рейдера, в тот единственный глаз, что только что смотрел на нее с похотливым ожиданием. Штырь захрипел, завыл, дико забился на земле, судорожно царапая свое лицо скрюченными пальцами.

– *Давай руку!* – голос Титьки прозвучал хрипло и властно. Она уже протянула ладонь Сиду, но глядя не на него – её взгляд метнулся к бункеру. Оттуда уже выскакивал лысый, покрытый шрамами пёс. За ним, спотыкаясь, на ходу подтягивая штаны, выбегал здоровяк с наколкой на лице. Губы его выплевывали злобную брань. Из глубины бункера доносился грохот сапог и лязг оружия – третий рейдер выбегал, пере-

дергивая затвор карабина.

Титька инстинктивно рванула было вниз по дороге – к карьеру, к знакомому укрытию, но Сид, цепко держа её за руку, резко увлек её за собой, в сторону станции:

– *На верх!*

И она подчинилась.

Бегал Сид быстро, отчаянно мотаясь зигзагами по дороге – но уж точно не быстрее выстрела. Первые две пули со злобным свистом прошли над головой, оставляя в воздухе раскаленный след. Третья колупнула растрескавшийся асфальт у самых их ног, обдав подошвы градом мелких камней. Четвертая, злющей осой, догнала, и впилась Сиду в голень. Он глухо охнул, споткнулся, тело дёрнулось от боли, но он не упал, а лишь изменил походку, побежал дальше, странно и жалко подскакивая на одной ноге.

Но навстречу уже громыхал БОБ, Титька, увидев летящую на нее громадину, шустро закатилась в заросли центроцвета. Боб увальнем прокатился мимо неё, проверещал:

– *О, вы уже познакомились с очаровательной леди, сэр!*

– *Какая леди, Боб?! – Сид скрипнул зубами, – за нами гонятся рейдеры... тьфу ты... коммунисты, БОБ... коммунисты!*

В подтверждение слов Сиды от корпуса робота отрикошетила пуля. Возмущению Боба не было предела, он громогласно заорал какой-то патриотический марш и бросился в атаку. А Сид завалился в кусты к Титьке, морщась от дикой боли.

Стрелять конечно Боб не мог, но и ударов миниганом по голове было вполне достаточно. Сид и Титька с упоением слушали боевые вопли Боба и матерную брань, и стоны рейдеров. Еще ни разу за последние три дня Сид так не радовался патриотичной болтовне своего железного приятеля.

V

Кровь. Её было слишком много. Липкая, тёплая, она заливала пол бункера, превращая его в скользкую лужу, по которой то и дело скользили Титькины босые ноги. Врач из Титьки был никудышный – по меркам довоенных учебников. Но по меркам Пустоши она знала ровно один способ: быстрый, грязный и невыносимо болезненный. Вытащить пулю и продезинфицировать рану, чем угодно, хоть самогоном, который она нашла в запасах рейдеров.

– *Держись, кретин!* – Титька вцепилась зубами в край грязной рубахи, с хрустом отрывая полосу ткани для жгута. – *Если сдохнешь... я тебя пристрелю! Только попробуй...*

Сид только хрипло застонал в ответ, его пальцы судорожно впились в бетон. Лицо было блее пепла, а губы поблекли, словно у мертвеца.

Первая попытка.

Титька, не колеблясь, сунула два пальца в кровавую рану на его ноге, пытаясь нащупать пулю. Метод Пилы всегда срабатывал, глубокая рана – значит, и искать надо глубоко. Сид взвыл, его приподнявшийся было затылок сухо стукнулся о пол.

– Блядь! Чего ты дёргаешься? – Титька вытерла лоб окровавленной рукой, оставив багровый размазанный след. – Рейдеры с перебитым хребтом и то терпят! А ты почему не можешь потерпеть?!

БОБ беспомощно замигал датчиком, его корпус нервно подрагивал:

– Мисс Ти, я настоятельно рекомендую прокипятить бинты и продезинфицировать рану! По данным Всемирной организации здравоохранения, вероятность сепсиса в антисанитарных условиях...

– Заткнись! – Титька швырнула в его металлическую грудь окровавленным обрезком ткани. – Где тут, по-твоему, мой дистиллятор? Или антисептик? Или хотя бы спирт есть? Нету?.. Зато грязи, ржавчины и дерьма навалом!

Вторая попытка.

Когда Сид очнулся для нового приступа боли, Титька уже зажала между пальцами ржавые щипцы, найденные в углу бункера. Инструмент был старый, с гнутой рукояткой, но довольно крепкий. Она обтерла его о свой рваный рукав.

– Это будет больно, – предупредила она без тени сочувствия, а скорее с вызовом, и тут же, без лишних церемоний, вонзила стальные губки в развороченную плоть.

Сид закатил глаза, из горла вырвался хриплый, захлебывающийся стон, и он снова отключился. Тело обмякло.

– Мисс Ти, – настойчиво загудел БОБ, катаясь вокруг них

по кругу. – *Может быть, вколоть ему обезболивающее? Хотя бы местный анестетик! У Вас есть обезболивающее?*

– *Есть!* – прошипела Титька, не отрываясь от раны. – *Вот оно!* – Она ткнула щипцами в сторону, мигающего сенсором, БОБа. – *Называется «терпи или сдохни»!*

Третья попытка.

Титька возилась с раной, не проявляя ни капли жалости, с упрямством маньяка. Это не было лечением – чистой воды живодерство: вцепиться, рвануть, выдрать. И когда металл пули наконец цокнул о бетон, Сид уже мысленно отослал прощание всем богам Пустоши, будучи твёрдо уверен, что его не спасли, а добились прямо на операционном столе, вернее – бункерном полу.

Глава 3. Санитары Пустоши.

«Доброта в Пустоши – как пуля в стволе:

Может спасти.

Может убить.

А может просто заклинить в самый неподходящий момент.»

--«Записки выживальщика», запись в разорванном блокноте рядом с кучкой стреляных гильз.

I

К вечеру, когда с лечением было почти покончено, Титька почувствовала себя полноправной хозяйкой «Оливии».

Первым делом она выключила радио. Ну как выключила? Всадила пулю из гладкоствола прямо в центр приёмника. И все. В наступившей после выстрела тишине, было слышно, как урчат сервоприводы БОБа, как что-то лопочет безглазый рейдер, да хлопают крыльями разлетевшиеся вороны.

Три бывших хозяина «Оливии» так и остались лежать на пыльной дороге – жуткие, расплывчатые фигуры с разможжёнными черепами, утопающие в липкой, темнеющей на солнце луже собственных подсыхающих мозгов и крови. Мухи жужжащей стаей собирались на пиршество. Четвертый рейдер – Штырь, теперь окончательно слепой, с пустой, сочащейся глазницей на месте последнего глаза, – беспомощно

ползал по двору, натыкаясь на камни и строения.

Прикончить его сейчас Титька сочла непозволительной милостью, настоящим подарком. Вместо этого она, с холодной, методичной жестокостью, пинками и тяжёлым прикладом своего гладкоствола, принялась загонять обезумевшего от боли рейдера в пустую клетку.

– *Ну давай же, сволочь,* – её голос, звонкий и налитый агрессией, резал воздух острее любого кнута. – *Ползи... Давай, тварь, я сказала!*

Рейдер что-то беззвучно бормотал, пуская кровавые пузыри из перебитых губ, смешивая слюну, сопли и слёзы в единую мерзкую жижицу. Титька со всего размаху ткнула его стволом между лопаток, впихнув в железную коробку. Дверь захлопнулась с сухим, скрежещущим звуком, окончательно похоронив надежду на пощаду. Бывший работороговец, прижавшись к прутьям, заскулил, умоляя её о последней пуле.

– *Лёгкую смерть в Пустоши ещё нужно заслужить,* – с ледяным злорадством сказала ему Титька. – *Продержись дней десять, мразь... Постарайся.*

Загнав Штыря в клетку и убедившись, что дверь надёжно захлопнута, Титька вытерла ладони о бедра и обвела взглядом свои новые владения. И тут в ней проснулась не знающая жалости хозяйская жилка – та самая, что заставляет сорочку таскать в гнездо блестящий хлам, а пустошную крысу – обустроить нору с тщательностью фермера.

Она принялась за инвентаризацию. Её пальцы, ловкие и

цепкие, рылись в старых сундуках и ящиках, опрокидывали пустые коробки из-под патронов, швыряли в сторону никому не нужный хлам. Каждый предмет она оценивала холодным, практичным взглядом: поможет ли это выжить завтра? Пригодится ли? Можно ли это продать, съесть или запихнуть в магазин пистолета?

Армейский рюкзак цвета, выгоревшего хаки, – с лямками, перехваченными проволокой – стал местом сбора её трофеев. В его просторную утробу полетели тугие свёртки медных патронов 10-го калибра. Три банки тушёнки с облупленными этикетками, несколько бутылок «Ядер-Колы», мерцающих изнутри тревожным голубоватым свечением. Шприцы с мутным «психо» – красноватая жидкость в которых, сулила либо кипучий прилив безумия, либо стремительный и нелепый конец.

Отдельно, с почти что ритуальной аккуратностью, она завернула в промасленную тряпицу почти полный блок сигарет «Серый Череп» и зажигалку с гравировкой в виде огненного черепа – не столько для курева, Титька не курила, сколько для будущего торга. В Пустоши это – твёрдая валюта.

Сид в это время валялся на старом, землистого цвета матрасе, пропитанном потом, кровью и мелкими насекомыми – на котором, судя по въевшемуся смраду и жутким пятнам, умерло полтора десятка человек и один несчастный крысокот. Он тяжело дышал, вжавшись локтем в прохладную бе-

тонную стену бункера. Взгляд его, мутный от боли и усталости, блуждал по потолку, где столетиями расползались ржавые подтёки. Они сплетались в причудливые, бессмысленные узоры, напоминавшие ему карты несуществующих, забытых людьми стран.

Где-то там, за стеной, доносились приглушённые удары, резкий голос Титьки и приглушённый стон – она «общалась» с тем рейдером. Но Сиду было плевать. Всё его существо сжалось в один сплошной, пульсирующий клубок нарыва. Нога горела огнём, боль, острая и нудная, была настолько оглушительно, что казалось, свёртываются в трубочку не только уши, но и вся кожа на голове.

«Жив – уже хорошо», – промелькнула в голове старая, истоптанная, как пустошная тропа, мысль. Философия выживальщика, последний оплот здравомыслия. Но тут же накатил вторая, горькая и неизбежная: *«Плохо, что сгниёшь заживо... Э-э-х...»*

Память услужливо подкинула свежее, жуткое воспоминание: как Титька без всякого наркоза ковырялась в его мышце, выдирая пулю. Холодный пот выступил на лбу. *«Хорошо ещё, что ногу сразу не отрубила топором, как гнилую ветку... А может, она так нарочно?»* – ядовитая мысль вползла в сознание, отравляя его. *«Побудет тут атаманшей, забрёт моего БОБа, набьёт рюкзак тушёнкой – и сгинет. А кто ей такой Сид? Так, попутчик. Ненужный груз. И останусь я тут валяться, как кусок протухшего мяса. Живой лишь*

по чудовищному недоразумению. Э-эх...»

Он снова подумал о смерти. Уже во второй раз за этот бесконечный день. Но если тогда, во время «лечения», это была лишь короткая, обезличенная вспышка страха, то теперь мысль обрела форму, вес и леденящую, обстоятельную конкретику.

«Вот так и померёшь. В забытом бункере, на пропитанном смертью матрасе. И имени твоего никто не вспомнит. Спросит кто-нибудь через неделю: «Кто там помер-то?» – «Да так, мусорищик какой-то», – пожмут плечами в ответ. – «А как помер?» – «А как все. Словно в сортир провалился, и в дерьме захлебнулся». – «А-а-а... Ну и дерьмо ему пухом, значит». Э-эх, и прощай Джамайка-Плейн, прощай несметные сокровища, прощай сытая жизнь.»

Картина была настолько ясной и циничной, что он чуть не рассмеялся, если бы не новый, пронзительный укол в ногу – будто кто-то ткнул в рану раскалённой иглой. Сид, сморщившись, глухо охнул, чувствуя себя окончательно разбитым, несчастным и бесконечно одиноким в этом равнодушном мире.

Титька, меж тем, босиком прошлепала мимо к двери в подвал. Открыла и... батюшки святы... такой смрад с низу попер, как будто в подвале кто скотомогильник устроил. Сид закашлялся и отвернулся к стене. А Титька? Какую-то тряпку на морду намотала, керосином полила, вместо дезодоранта... и шнырь в подвал.

Сид не поленился на карачках подполз, и дверь захлопнул за ней. *Удушить хочет, сучка.* Только тогда дышать начал, когда сквознячок воздух более-менее прочистил.

Титьки долго не было. Сид уже ерзать начал, уж не придется ли за этой дурой ползти в низ. Как будто у него и делов-то – всяких ненормальных мисс Ти спасать, почему зря. А БОБа туда не пошлешь, он и в дверь то не пролезет. Сид прислушался – БОБ громыхал снаружи, катался туда-сюда по двору и бубнил, бубнил, бубнил...

Наконец то с подвала загремело. Дверь распахнулась, вместе с тошнотворным запахом вылезла стриженная, похожая на мятого ежа голова, потом сама мисс Ти, волочащая здоровый покоцанный миниган. Сид заметил, что ноги у неё уже не босые, а в стоптанных, серых от пыли, ботинках.

Титька оттащила миниган в угол, закрыла дверь, бросила на Сиду презрительный гневный взгляд:

– *Ты зачем дверь закрыл, придурок?* – и выбежала на улицу, разматывая пахнущую гнилью и керосином тряпку. За ней следом тянулся шлейф из трупного запаха.

На минигане было нацарапано «Зенитка».

Титька замерла с вонючей тряпкой в руке и в очередной раз задала себе этот дурацкий, навязчивый вопрос: почему, чёрт возьми, она до сих пор не бросила этих двоих идиотов?

У неё был верный гладкоствол, четыре банки тушёнки, *целое состояние!* Карманы, оттянутые до колен звенящей тяжестью крышек. И целых два пути: налево – в опостылевшее

Содружество с его лицемерными порядками, направо – на север, откуда, по слухам, кочуют жирные торговые караваны, ломящиеся от добра. Казалось бы – идеальный момент испариться, раствориться в рыжей пустошной пыли и начать всё с чистого листа. С нуля. В одиночку.

Мысль об этом заставила её вздрогнуть, будто от внезапного порыва ледяного ветра. Не от страха одиночества – нет, с ним она была на «ты». А от осознания чего-то нового и потому пугающего.

Впервые за долгие годы, пахнувшие кровью, порохом и рейдерским потом, она находилась не в бандитском логове, где каждый взгляд похож на укол штыка, а каждый жест – подготовка к удару в спину. Она была здесь, с болтливым роботом и раненным в ногу мечтателем, который по какой-то нелепой прихоти решил сыграть в героя.

Она вернулась к Сиду, опустилась на корточки возле его матраса – неловко, почти по-детски, подобрав под себя ноги, будто пытаясь сесть в позу лотоса, но получилось карикатурно, неуклюже. Гладкоствол лег поперек её колен, холодный металл отдавал в кожу зловещей тяжестью. Тень от коптящей керосиновой лампы плясала по стене, извивалась, как живая, рисуя то скрюченные пальцы, то оскаленные черепа.

– Почему ты сказал мне «беги», когда схватил рейдера за ноги? – её голос прозвучал как щелчок взведённого курка – резко, сухо, без предупреждения. – Разве ты сам не хотел убежать?

Сид заморгал, будто её слова брызнули ему в лицо кислотой. Слепящая прямота вопроса заставила его задуматься. Он отвел взгляд, потом медленно вернул его к ней.

— *Мне казалось, мы вдвоём не успеем выбежать из клетки,* — он сделал слабый жест рукой, и плечи его дёрнулись в жалком подобии недоумения. — *А у тебя... у тебя были все шансы.*

Титька медленно приподняла бровь. Риск ради кого-то? Эти понятия были для неё чужими, как песок в новых подшипниках.

— *И ты вот так запросто решил помочь мне?* — в её голосе прозвучало недоверие.

— *Да,* — Сид почесал затылок, будто мысли шевелились под кожей. — *Я видел молодую девушку, которой нужна была помощь.*

Уголок её рта дёрнулся в усмешке, короткой и беззвучной, как падение ножа в песок.

— *А если бы ты знал, что я бывший рейдер?*

— *Какая разница?*

— *Я тоже убивала людей...*

— *Разве их теперь оживишь?*

Она уставилась на него, вглядываясь в его черты, пытается найти в них подвох, ложь, скрытый смысл. Но находила только усталость и боль.

— *Но тебя же могли убить?* — её слова стали тише, но острее. — *Нельзя рисковать жизнью ради другого человека. Эти*

трое из тебя сделали бы котлету, прежде чем пристрелить.

Сид лишь пожал плечами, и этот жест был полон такой обречённой покорности судьбе, что аж зубы сводило.

– Ну, может, и не убили бы. Отпиздили бы, конечно, но не убили. Им крышки за товар нужны, а не труп.

Она замерла. В носу засвербело – противно, навязчиво, будто запахло чем-то горьким и чужим, чем-то, что не должно было касаться её, но коснулось. Чтобы скрыть внезапную растерянность, Титька резко, почти грубо, наклонилась к его раненой ноге и принялась разматывать грязный бинт.

– Давай посмотрю.

Её пальцы, привыкшие ломать и кромсать, вдруг потеряли привычную резкость. Стали почти... аккуратными. Почти бережными.

Даже БОБ, вечно болтливый и суетливый, застыл в проёме двери, вытянувшись в молчаливой стойке. Его оптический сенсор тускло светился в полумраке, беззвучно перемалывая данные этого странного разговора.

Где-то далеко-далеко, за горизонтом, грохнул одинокий выстрел. И после него наступила тишина – густая, полная, давящая. Лишь ветерок шелестел сухими колючками у входа в бункер, словно перешёптывался с тенями.

С ногой дело было дрянь. Края раны, ещё недавно просто воспалённые, теперь отливали зловещим багрово-сизым оттенком. Из-под самодельной повязки сочилась мутная, жел-

товатая жидкость, оставляя на бинте липкие, дурно пахнущие пятна. При каждом движении Сида по ноге пробежала горячая, нудная волна боли, обещающая в ближайшие часы лишь одно – адское воспаление.

– *Завтра идём в Альянс,* – твёрдо заявила Титька, присев на корточки. Её пальцы, грубые и уверенные, легли на его горящую кожу, заставив Сида непроизвольно дёрнуться. Она приподняла край бинта, заглянула под него, и её лицо стало каменным. – *Там есть врач.*

Сид скривился, впиваясь пальцами в край матраса, но звук так и не вырвался – лишь короткий, сдавленный хрип.

– *Откуда ты знаешь? Ты там была что ли?*

– *Когда меня вели сюда... эти...* – она резким движением головы кивнула в сторону клетки, где сидел слепой рейдер, – *мы проходили через посёлок. Здоровяка укусил крысокрот, ему срочно требовался врач.*

Она с силой дёрнула старую ткань, зубами оторвала полоску почище и принялась наматывать новую, жёсткую и неприятную повязку.

– *Ворота нам не открыли – у них там или тест, или пароль чёртов... Но врачиха вышла. Сделала укол прямо там, на дороге...* – Титька метнула взгляд на Сида, оценивая его бледное, покрытое испариной лицо. – *Если и нам поможет – хорошо. Нет...* – Она с глухим стуком хлопнула ладонью по прикладу своего гладкоствола, висевшего на плече. – *Попробуем убедить.*

– Угу, убедишь ты... пристрелят нас, как дурацких пролетариев... и дело с концом.

Глаза Титьки сверкнули ядом:

– Если у тебя есть варианты... предлагай. Разлежся тут...

– Да ладно чего ты....

Сид согласился бы даже если на месте врача оказался сам дьявол с раскалённой сковородкой. Лишь бы это жгущее, пульсирующее мучение прекратилось. Мысль о том, что до Альянса – полдня изматывающего пути по выжженной земле, а он не сможет проползти и сотни метров, вызывала у него тихий, холодный ужас.

– Только не дойду я... до Альянса.

– Я что-нибудь придумаю, — пообещала Титька, её взгляд скользнул по грудке металлолома в углу бункера, выискивая возможности.

– Я могу помочь, сэр! – внезапно огласил тишину металлический скрежет БОБа. Его оптический сенсор вспыхнул энергичным жёлтым светом. – Моя конструкция позволяет транспортировать грузы до 500 килограмм!

– Ты прав, БОБ! – Титька резко поднялась и пошла рыться в кучу металлолома, через пару минут с силой выдернула две длинные, покрытые рыжей коррозией трубы.

II

Через час перед бункером поднялась настоящая адская буря.

Титька, скрестив руки на груди, с одобрением наблюдала, как БОБ лихо таскает пустые волокуши по двору, оставляя за собой пыльный ураган. Конструкция, собранная на скорую руку из троса, ржавых труб и обрывков брезента, больше напоминала орудие пыток, чем медицинские носилки. Металл скрипел и выл под нагрузкой, брезент угрожающе провисал, а ремни трещали при каждом неловком повороте массивного робота.

– *Тише, ты, железный идиот!* – крикнула она, когда робот в азарте чудом не врезался в клетку со Штырём. – *Ты же не тачку с мусором повезешь, а раненого!*

– *Простите, мисс Ти!* – БОБ тут же сбавил скорость, но его оптический сенсор продолжал светиться восторженным оранжевым.

Рейдер в клетке притих, прижавшись к прутьям. Его грязные пальцы судорожно сжимали решётку, а слепые глазницы была обращена к источнику грохота, ловя каждый звук, каждый обрывок голоса.

– *Мисс Ти, но я могу увеличить скорость ещё на 15%!* – скрежетал БОБ, гордо выпрямляя корпус и поднимая мини-ган.

– *Ладно, посмотрим. На сегодня испытаний хватит. Завтра нас ждут великие дела.* – Титька резко махнула рукой. – *Отбой!*

– *Сэр, как ваши впечатления?* – БОБ тормознул прямо перед входом, оставляя за собой две ровные глубокие борозды

на земле.

Сид, наблюдавший за этой вакханалией с порога бункера, грустно покусал губы и вздохнул. Судя по безудержному энтузиазму его спасителей, живым до Альянса ему явно не добраться.

Титька, проходя мимо Сиды, на мгновение остановилась.

– Там в подвале с десятков трупов, все пулевые... Кто-то хорошо повеселился.

Сид поёжился – ночевать на свежееявленном кладбище то ещё удовольствие. Но в Пустоши у покойников было одно неоспоримое преимущество – в спину они не стреляли.

Сид хотел еще что-то спросить, но Титька уселась пересчитывать патроны, вытащив ленту из минигана.

– Раз, два... шесть... десять... раз...

Пришлось молча проковылять к матрасу, опираясь на суковатую палку. Перебивать человека пересчитывающего патроны плохая примета, это каждому идиоту известно. Таких проблем на себя навлечёшь... в век не расхлебать. Можно, конечно, потом пук волос на голове черной ниткой перевязать и походить так с недельку, говорят помогает. Но Сид в эту ерунду не верил. Чепуха это всё. Перевязанный пук волос поможет если ты, к примеру, паука на пороге раздавил или задел покойника правой ногой, а от остального не поможет. Хочешь всю голову нитками обмотай.

Осталось только ждать когда Титька свои шаманские бормотания над патронами закончит. Она сидела, сгорбившись

над ящиком, и её пальцы, быстрые и цепкие, перебирали тугие, блестящие цилиндрики, словно торговец чётки.

– *Десять десятков это сколько?* – спросила она, не отрывая взгляда от патронов.

– *Сто* – ухмыльнулся Сид – *ты считать что ли не умеешь?*

– *Почему не умею?.. Это я тебя проверяла...* – Титька хмуро покосилась на мусорщика, *чего это он умничает?*

– *Ровно три раза по сто, три десятка и три.* – доложила она с видом полководца, оглашающего диспозицию.

Конечно, следовало поднять её на смех после таких вычислений. Сид уже раскрыл рот, готовая язвительная шутка вертелась на языке... и тут же застряла в горле. У ног рейдерши безмятежно валялся её заряженный гладкоствол. Взгляд её, тяжёлый и прищуренный, напоминал атомную бомбу в последние секунды перед взрывом. Можно пошутить, но извиниться уже не успеешь.

– *Триста тридцать три,* – сухо констатировал Сид и демонстративно отвернулся к стене, принявшись разглядывать узоры из плесени.

Титька резко, с таким видом, будто это она только что решила сложнейшую математическую задачу, подняла коробку с патронами и направилась к БОБу.

– *БОБ, иди сюда! Пока некоторые умники отдыхают, я тебя в порядок приведу.*

БОБ весело скрипнул сервоприводами, словно пёс, услы-

шавший зов хозяина, и подкатил к Титьке.

– Я готов к обслуживанию, мисс Ти...

Защелкали патроны, бережно укладываемые ею в нена-
сытное чрево минигана БОБа. Сцена была до неприятного
обыденной.

Титька явно назло, с преувеличенной слащавостью, при-
нялась любезничать с роботом:

*– Я знаю, где краску взять. Мы тебя покрасим, подшип-
нички смажем, будешь как новенький, блестящий.*

А этот железный флюгер, отвечал ей тем же металличе-
ским, но подчёркнуто почтительным тоном:

– Вы так любезны, мисс Ти...

У Сида нервно задёргался глаз от ревности, а в виске за-
стучала тупая, назойливая волна возмущения. *«Это же мой
робот! – пронеслось в его голове. – Это я его откопал на
свалке. Это я настраивал его сраный модуль управления!
Это я решаю, красить его или нет! Может, я вообще его на
запчасти разберу, если захочу!»*

Он сгрёб в комок край вонючего матраса, сжимая гряз-
ную ткань в кулак. В закипающей злобе буркнул пару ру-
гательств. Эта выскочка, эта рейдерша, уже ведёт себя как
полноправная хозяйка не только этого бункера, но и его соб-
ственности. А БОБ, железный идиот, только и рад этому вни-
манию. Предатель. Готов хоть сейчас на новую краску про-
менять того, кто дал ему вторую жизнь.

У Сида выступили слезы бессильного отчаяния.

От предложенного Титькой ужина он отказался с таким видом, будто это была не тушёнка, а банка с электролитом. Запах вкуснейшего мяса, томлённого, с жирным соусом, наполнил спёртый воздух бункера, и нагло ворвался в его ноздри, не спрашивая разрешения. Сид вдыхал этот чудесный, дразнящий аромат, злясь на весь мир во всех его проявлениях: и на БОБа-предателя, и на Титьку-обольстительницу роботов.

А она с противным, звонким стуком ковырялась в консервной банке, демонстративно наслаждаясь его голодной пыткой.

Но больше всего он злился на собственное глупое, никому не нужное упрямство, которое теперь скручивало ему желудок болезненными спазмами.

Отдельное, персональное «спасибо» он мысленно выделил тем косоруким рейдерам, которые вместо того, чтобы честно прострелить ему голову и покончить с мучениями, умудрились продырявить ногу. Теперь приходилось принимать эти бесчеловечные страдания – и голод, и боль, и унижение. От нахлынувшей новой волны обиды и бессилия нога заняла пуще прежнего, пульсируя огненным ритмом, который казался насмешливым эхом его собственного голода.
Будь прокляты ВСЕ!

III

На ночь Титька завесила окна бункера мешковиной, и это было похоже на то, как закрывают глаза усопшему. Сам бун-

кер, вросший в выжженный холм, напоминал гигантский череп неведомого исполина, выбеленный временем и радиационными ветрами. Окна, теперь слепые, затянутые грубой тканью, были его пустыми глазницами, что всего несколько часов назад тускло слезились желтоватым светом керосиновой лампы в непроглядную пустошную тьму.

Она тщательно проверила с улицы, не пробивается ли наружу свет, не выдаст ли их эта каменная голова живых, затерявшихся в ее мертвых сводах, людей. Вернувшись, заперла тяжелую железную дверь на оба засова.

Строго-настрого приказала БОБу никуда не отлучаться от выхода и стрелять по всему, что движется. Робот проурчал что-то дежурное про коммунистов, про справедливый мир торговли и капитализма, и встал истуканом в проеме, словно стальной страж, охраняющий покой этого странного здания, то ли приюта, то ли кладбища. Оптический сенсор БОБа отбрасывал на стену тусклый, мертвенный отсвет.

Керосиновую лампу оставила зажжённой, чуть только свет притушила, до трепетного, болезненного огонька. Теперь он отбрасывал на стены неясные, пляшущие багровые тени. Они дышали, эти тени, в такт огоньку, и казалось, вот-вот оторвутся от стен и шагнут в центр комнаты.

Сид с Титькой не разговаривал из принципа. Между ними повисла не просто тишина, а нечто плотное и осязаемое, как свинцовая пелена, пропитанная взаимными упреками и невысказанной обидой. Собственно, и Титьке он как себе-

седник на фик был не нужен. Его молчание было лишь фоном для ее собственных мыслей, бурлящих, как химические отходы в заброшенной цистерне.

Так вот молча и улеглись спать по разным углам, словно два враждебных хищника, поделивших скудное укрытие. Сид – на своем нелюбимом матрасе, вонючем и неприятном на ощупь. Он ворочался, и старые пружины с тоскливым скрипом впивались в бок, словно кости тех, кто остался здесь навсегда.

А Титька – на ворохе ворованного тряпья, сбившемся в дальнем углу в неопрятное гнездо. Она свернулась калачиком, вжавшись в груды лохмотьев, пахнущих чужим потом, пылью и отголосками неведомых жизней. Ее дыхание было ровным, но слишком уж натянутым, словно тетива лука, готовая сорваться в любой миг. Два островка отчуждения в холодном море бункера, разделенные не расстоянием, а целой пропастью недоверия и усталости.

Сиду не спалось от злости и голода. Он ворочался сбоку на бок, то прислушиваясь к уличной тишине – той особой, звенящей тишине Пустоши, что была страшнее любого шума; то слушая Титькино противное сопение – ровное, мерное, будто работающий где-то вдали маленький моторчик, который бесил его своим спокойствием; то глядя на тусклый огонек лампы – этот жалкий, дрожащий островок света в океане подвального мрака, от которого по стенам и потолку ползли и извивались неуклюжие, пульсирующие существа.

Мысли его уже готовы были соскользнуть в привычное, убаюкивающее русло перечисления собственных несчастий, как вдруг снаружи, нарушая хрупкую иллюзию безопасности, раздались шаги. Не звонкие и не спешные, а глухие, отмеряющие секунды, медленные и осторожные, будто кто-то невидимый вышагивал по мокрому бетону. Сид замер, ожидая, что вот сейчас миниган БОБа злобно зарычит, разрывая ночь в клочья, и от звука шагов останется лишь эхо выстрелов. Но не тут-то было – БОБ молчал, будто оглох.

«Вот, скотина... уехал... ну будет ему покраска», – с горькой усмешкой подумал Сид и приподнялся на локтях, сердце заколотилось где-то около горла.

А шаги все кружили по двору, словно выписывая загадочную, невидимую спираль вокруг их убежища. Звук был странным, неестественным – обычно человек или зверь ненет да наступят на что-то шуршащее, а тут – лишь мерные, приглушенные удары, будто кто-то шагал по идеально гладкой поверхности, почти без эха, без жизни.

А может, это галлюцинации? Сид даже обрадовался этой мысли – голодные видения куда безопаснее реальной угрозы за стеной. С самого утра во рту не было ни крошки, чего только не привидится.

– *Эй, БОБ,* – прошептал он, уже не надеясь услышать ответ.

Но робот отозвался с готовностью, его голос прозвучал оглушительно громко в звенящей тишине:

– *Что Вас беспокоит, сэр... Вам не спиться? Хотите, я*

спою вам колыбельную?

Краем глаза Сид заметил, что Титька уже не спит. А может, и не спала вовсе – во взгляде, которым она метнула в сторону окна, не было и тени сна. Она бесшумно поднялась на корточки, и в тишине зловеще звякнул ремень ее гладкоствола.

– Там кто-то ходит, – снова, чуть громче, прошипел Сид, чувствуя, как холодный пот стекает по виску.

– Никого нет, сэр... В радиусе пятисот метров ни одной враждебной формы жизни не обнаружено... – невозмутимо доложил БОБ.

И в этот момент шаги приблизились вплотную к занавешенному окну. Теперь к ним добавилось булькающее, утробное дыхание, хлюпающее жидкостью, будто дышал человек с проткнутыми легкими. И Сид с ледящей душу ясностью понял – это не галлюцинация. Это было здесь. По ту сторону стены.

Титька не успела даже поднять оружие, как Сид, движимый слепым, животным ужасом, выхватил пистолет и всадил пять пуль прямо в шевелящуюся от чьего-то дыхания рогожу. Грохот выстрелов, оглушительный и резкий, подпрыгнул от бетонного пола к ржавому потолку, оглашая бункер медным звоном. БОБ тревожно заворочал гусеницами.

Но утробное сопение не прекратилось. Существо за простреленной, дырявой мешковиной продолжало хлюпать жидкостью, будто пять свинцовых пуль были для него не бо-

лее чем докучливыми мухами.

– *Вот ты придурок,* – сквозь зубы процедил Сид, лихорадочно перезаряжая магазин.

Он уже собрался было снова стрелять, но Титька резко остановила его, положив холодную, дрожащую ладонь на раскаленный ствол.

– *Погоди,* – ее голос был тихим и напряженным. – *А может, это покойник?*

От этого простого, но чудовищного предположения у Сида волосы зашевелились не только на голове, но и везде, где только росли. Он тысячу раз слышал байки у костра про ходячих мертвецов, но столкнуться с этим вот так, лицом к лицу, вживую... только сейчас. Титька взяла лампу и медленно, как заклинательница змей, поднесла ее к окну. Тень за мешковиной дрогнула и отступила. Шаги, все такие же мерные и неспешные, стали удаляться.

И тут, нарушая отступившее на мгновение напряжение, с оглушительным лязгом распахнулась дверь клетки. Послышался неразборчивый, захлебывающийся шепот слепого рейдера, а потом он заорал – нечеловеческим, полным первобытного ужаса криком, от которого с потолка на Сида шлепнулся кусок отсыревшей штукатурки. А Титька, кто бы мог подумать, инстинктивно рванулась к нему и спряталась за спину, вцепившись пальцами в его майку.

Этот крик наконец-то достиг слуховых датчиков БОБа.

– *Сэр, этого коммуниста что-то беспокоит...* – раздал-

ся его металлический, бесстрастный голос. – *Наверное, ему что-то приснилось?*

Грохот выстрелов, казалось, все еще висел в воздухе, смешавшись с эхом дикого крика Штыря и оседая на кожу мельчайшей известковой пылью. Воцарившаяся тишина была обманчива и тяжела, как предгрозовое небо. Она была наполнена вопросом, который висел в спертom, пороховом воздухе, жгучим и невысказанным. Сид все еще не опускал пистолет, его ствол, как маятник, указывал на рваную тень за простреленной мешковиной, что колыхалась, словно в неестественном, собственном дыхании.

– *БОБ, –* голос Сида прозвучал сипло и приглушенно, будто в бункере стало нечем дышать. – *Скажи честно... Могут они... ну, покойники... ожить?*

Робот, неподвижный истукан у двери, издал короткий шелкающий звук, вентилятор процессора загудел в рваном ритме:

– *Сэр, с биологической точки зрения, это невозможно. После прекращения функций центральной нервной системы и остановки сердца, реанимация организма исключена. Мифы о «ходячих мертвецах» являются суеверием, порожденным, вероятно, наблюдением за редкими формами мутагенных вирусов, вызывающих кататоническое состояние, схожее с...*

– *Да замолчи ты!* – резко, почти яростно оборвал его Сид, нервно дернув плечом. – *Ты чего в них понимаешь... в покой-*

никах? Им на твоё мнение, с ихней-то колокольни, вообще плевать!

– Биохимические процессы остановлены, сэр...

– Плевать они хотели на твои процессы... вот скажи ты можешь увидеть покойника?

– В моих протоколах это не предусмотрено, сэр...

Сид почувствовал, как за его спиной Титька замерла, вжавшись в его спину. Её пальцы впились в его локоть, так что он чувствовал не дерзкую рейдершу, а испуганного ребенка, ищущего защиты в темноте. Не сводя горящих от напряжения глаз с таинственной завесы, Сид спросил глухим, сдавленным шепотом:

– Испугалась?

Тишина затянулась, став звенящей и неестественной.

– Нет, – прозвучал сзади резкий, вызывающий голос. – Нисколько.

Но её тело было красноречивее слов. Она не отодвигалась, а, наоборот, прижималась к его спине всем телом, и он чувствовал мелкую, частую дрожь, бегущую по её рукам. В её голосе сквозило упрямство, но оно было хрупким, как первый лёд, готовый треснуть под тяжестью непроизнесенного ужаса.

«Врет», – пронеслось в голове у Сида. – «Боится. Как и я».

И он понимал причину. Эта девчонка, для которой пуля была аргументом, а жестокость – азбукой, столкнулась с чем-

то, что не укладывалось в ее картину мира. Она знала с десятков способов отправить человека в небытие – быстро, медленно, с болью или без. Но что делать с тем, кто, казалось, уже побывал по ту сторону и вот теперь вернулся, влекомый непостижимой волей?..

Среди рейдеров, у костров, сложенных из обломков былого мира, эти истории передавались шепотом, словно священная тайна. О шагах, от которых в жилах стынет кровь, о пулях, проходящих навывлет, не причиняя вреда, о тихом, булькающем шепоте из темноты.

Разум, закаленный в горниле Пустоши, нашептывал, что это просто ещё одна тварь, еще одно уродливое порождение Радиации – мутант с гнилыми легкими и пустым взглядом. Но древний, первобытный страх, дремлющий в подкорке каждого выжившего, поднимал свою уродливую голову и шептал другое. И в этой давящей тишине, под пристальным взглядом дырявой рогожи, его шепот был куда убедительнее голоса логики.

И пока ледящий холодок страха медленно полз по его позвоночнику, в голове застряла одна-единственная, навязчивая мысль, от которой не было спасения.

А что, если все же покойник?

Глава 4. Альянс и Мудила.

«Чем красивее фасад – тем грязнее подвал. Без причины улыбается только смерть»

– Мысль Мисс Ти после посещения Альянса.

I

Бессонная ночь, наполненная леденящим душу ужасом, наконец отступила, уступив место пасмурному и серому рассвету. После того, как таинственные шаги за стенами бункера смолкли, ни Сид, ни Титька не сомкнули глаз. Они просидели в напряжённой тишине, прислушиваясь к каждому шороху, пока за занавешенными мешковиной окнами не начал пробиваться первый утренний свет.

С первыми лучами солнца, не столько освещающими, сколько обнажающими ущербность мира, Титька, до костей пропитанная ночным страхом, подкралась к выходу из бункера. Пальцы, затекшие от того, что всю ночь не разжимали гладкоствол, впились в холодный металл с новой силой. Она не шла – вытекала из сумрака бункера, прижавшись к косяку, каждый нерв натянут, как тетива.

Двор встретил ее гнетущей, неестественной тишиной, будто сама Пустошь затаила дыхание в ожидании развязки. Осмотрелась, готовая в случае опасности тут же захлопнуть дверь и спрятаться в глубине бункера. Никого. Только мел-

кий рассыпчатый дождь.

БОБ стоял на том же самом месте, где его оставили вчера. Мокрый, лоснящийся от стекающей воды.

– Доброе утро мисс Ти,– громко пророкотал робот. Его раскатистый голос эхом полыхнул по ближайшим кустам.

Титька прижала указательный к губам – тише ты...

Боб с недоумением помигал оранжевым датчиком.

Титька покосилась в сторону клетки. Дверь была распахнута настежь. Внутри, неестественно скрючившись, лежал Штырь. Он был то ли мертв, то ли без сознания, она так и не решилась проверить у рейдера пульс. Прикасаться к человеку, укушенному неизвестной субстанцией, было выше её сил.

Его тело выглядело обмякшим, а на шее, чуть выше грязного воротника, зияли два аккуратных, почти что хирургических прокола, из которых сочилась тёмная, почти чёрная кровь, уже успевшая загустеть и запечься по краям.

Опираясь на самодельный костыль, приковылял Сид.

Титька молча показала ему на восковое лицо Штыря. Холодок, не успев отступить за ночь, с новой силой пробежал по его спине. «Покойник...» – пронеслось в голове, и теперь это было не просто страшилкой у костра. Что-то приходило ночью. Что-то, для кого пули, не более чем докучливые мухи. Что-то, что оставило им это молчаливое послание.

Следов борьбы вокруг не было – и в этом заключалась самая чудовищная нелепость. Ни комков грязи на пороге клет-

ки, ни сломанных прутьев, ни капле крови, ведущих прочь. Так, будто дверь открылась сама собой по велению незримой руки, и рейдера укусила ночная пустота. Но самое безумие крылось в земле подле клетки – густая, рыхлая пыль, вязкая после ночной влаги, была чиста и нетронута. Ни одного отпечатка. Ни сапога, ни когтя, ни голой ступни. Шаги, сотрясавшие ночь, не оставили на земле ни малейшей памяти о себе, словно их источник парил в сантиметре от почвы или был соткан из одного лишь мрака и звука. Реальность дала трещину, и сквозь неё сочился леденящий душу абсурд.

Мысль оставаться в «Оливии» ещё одну ночь показалась им обоим равноценной самоубийству.

– Сэр, мисс Ти! – внезапно огласил утреннюю тишину голос БОБа. – Биометрическое сканирование показывает, что этот коммунист жив. Показатели жизнедеятельности нестабильны, однако я фиксирую повышенную активность в коре головного мозга. Вероятность симуляции составляет 67,3%. Рекомендую проявить бдительность.

Сид с опаской покосился на бездыханное тело Штыря с точечными ранами на шее. «Притворяется что ли? – пронеслось в сознании Сида, и он вздрогнул, – Мертвые не притворяются... Они просто ждут, когда ты отвернешься, чтобы снова открыть глаза и вцепится тебе в глотку».

Титька потерела спусковой крючок гладкоствола, дострелить бы этого гада, но выстрел может привлечь кого-нибудь ненужного. А перерезать горло ножом, на всякий слу-

чай, она забоялась – нужно заходить в клетку, прикоснуться к телу... бр-р-р. Она поежилась.

Тем временем, пасмурный, сонный рассвет пробивался сквозь низкие, тяжелые тучи, окрашивая местность в грязно-серые тона. После недели удушающего зноя, когда солнце пекло, как раскалённый утюг, небо наконец затянуло свинцовыми занавесками. Ветер, резкий и влажный, бросал перед собой редкие, скупые капли дождя, будто Пустошь отряхивала их с потрёпанного плаща.

Дождь, не настоящий, а так, насмешка, лишь слегка накрапывал, оставляя на сером бетоне станции жалкие мокрые пятна, которые тут же исчезали.

Завтракать не стали, какой тут завтрак – никакой кусок в горло не полезет.

Титька, забравшись на деревянный ящик, сидела на корточках перед БОБом. Её пальцы, чёрные от масла и пороховой гари, с усилием прочищали закопчённый механизм минигана. Она тщательно удаляла прилипшие кусочки плоти и волос, оставшиеся после того, как робот за сутки до этого раздробил головы троим рейдерам. Она работала молча, сжав губы, лишь изредка смахивая капли пота с грязного лба. Её движения были резкими, почти яростными – так она пыталась загнать поглубже воспоминания о прошлой ночи.

Сид сидел у стены, подняв голову и грустно уставившись в небо. Нога болела пуще прежнего, как будто боль специально ждала этого утра, чтобы показать Сиду, где болотники

зимуют. Выражение его лица говорило яснее слов – он уже пожалел, что родился на этот свет. Лучше бы его утопили в ближайшем карьере, чем такие мучения.

Мысль о предстоящем пути сжимала виски тугим, болезненным обручем. Дорога на этих самодельных волокушах, которые БОБ в своем механическом рвении таскал с упрямством бешеного брамина, сулила не просто дискомфорт – она грозила стать долгой, изматывающей пыткой, где каждый булыжник под гусеницами отзовется в его теле новым приступом пронзающей боли.

Но оставаться здесь, в этом проклятом месте, пропитанном смрадом смерти и шагов из ниоткуда, было ещё страшнее. Время здесь превращалось в ожидание. Ожидание того, что с наступлением темноты глухие, мерные шаги снова раздадутся за дверью, а может, на этот раз – прямо возле собственной шеи. И тогда простая, понятная ярость выстрелов окажется такой же бесполезной, как и в прошлую ночь. Нет, только не это.

– Ты с ним обращаешься, как с хрустальной вазой, – хмуро заметил Сид, наблюдая, как Титька аккуратно поправляет патроны в магазине.

Титька даже не подняла головы:

– Он не должен заглухнуть в самый ответственный момент. Если миниган Боба заклинит... – Титька повернула к Сиду грязный чумазый нос, – то врач тебе не понадобится.

Перед самым выездом, когда Сид только-только нашел бо-

лее-менее удобную позу на волокушах, Титька бросила ему на живот два рюкзака с припасами и вернула его десятиметровый:

– На-ка возьми... если что... застрелишься.

«Ночью за спиной моей тряслась, а сейчас вон какая бойкая... – Сид сердито разложил рюкзаки по бокам волокуш. – нога заживет... припомню я тебе».

БОБ почтительно скрипнул:

– Мисс Ти, я готов к марш-броску! Вероятность встречи с враждебными элементами – 37,8%.

– Поехали, – скомандовала мисс Ти, и БОБ лязгнув гусеницами выехал за ворота Оливии.

Сид в последний раз посмотрел в сторону ржавой клетки с открытой дверью. Помер рейдер или нет? Какая разница? В любом случае Пустошь сама позаботится о нём.

II

Мир перевернулся с ног на голову. В прямом смысле.

Сид лежал на волокушах, и все, что он видел – это серое небо, густые комья облаков, да верхушки мертвых деревьев, качающихся на ветру. Их голые, сухие ветви тянулись к тучам, будто скрюченные пальцы гуля, просившие каплю настоящего дождя, а не эту жалкую морось.

Каждый камень, каждая кочка отзывалась в его теле тупой болью. Волокуши скрипели, подпрыгивали и норовили перевернуться на каждом повороте. БОБ тащил эту адскую конструкцию с непоколебимым упорством, будто вез не по-

калеченного человека, а мешок с самым дешёвым дерьмом.

– Черт бы тебя побрал...– ворчал Сид, в очередной раз вцепляясь в борта, чтобы не вылететь.

В редкие моменты, когда Боб тащил носилки наиболее ровно, Сид вертел головой наслаждаясь видами.

Вот стая ворон кружит над чем-то в кустах – наверняка там валяется какая-нибудь падаль.

Вот вдаль, за холмом, торчит каркас довоенной вышки – как рукоять ножа в пузе.

А вот из-за поворота вылезает мраморный карьер – огромная серая яма, заполненная мутной водой.

– Эй, Боб, – крикнул Сид, – а как эта канава называлась раньше?

– Карьер Тикет, сэр!– тут же отозвался робот. – до войны здесь добывали мрамор.

Титька резко подняла руку, сжимая кулак – сигнал остановиться. БОБ замер мгновенно, будто врос в землю. Сид, подпрыгнув на волокушах от внезапного торможения, едва сдерживая проклятия.

Из-за кустов центроцвета открывалось странное зрелище.

На берегу затопленного карьера стоял мужчина в потрепанной шапке-ушанке и размахивал руками, указывая на мутную воду. Перед ним, по колено в воде, топтался другой – рослый, но с выражением лица, говорящим, что мысль – редкий гость в его голове.

– Что за хрень?– прошептал Сид, приподнимаясь на во-

локушах.

БОБ наклонил корпус, его сенсоры едва слышно зажужали:

– Сэр, мистер в меховом головном уборе предлагает другому мистеру финансовую компенсацию за погружение в водоем и манипуляции с запорной арматурой. Стандартные трудовые отношения.

– Ты это называешь трудовыми отношениями? – едко усмехнулся Сид, – Это называется – «стать обедом для болотников».

Действительно, вода в карьере была мутной, с маслянистым блеском. Темнота посередине намекала, что там глубоко. А главное – ни один нормальный человек не полезет в незнакомый водоем без крайней нужды.

Но простофиля, похоже, был не из нормальных.

Он нырнул, с размаху подняв фонтан брызг. Через десять секунд вынырнул, отчаянно хватая ртом воздух.

– Ты глубже ныряй! – донеслось от «ушанки».

Титька, присев на корточки, вдруг скорчила рожицу – надула щеки, выпучила глаза, потом с громким «Ф-ф-ф-у-ух!» выпустила воздух, размахивая руками, как тот несчастный ныряльщик.

Сид сжал губы, пытаясь подавить подкатывающий комок смеха, из его носа с характерным сопением вырвался предательский короткий звук. А потом, не выдержав, весело засмеялся – глупо, неожиданно для самого себя.

Титька повернулась к нему, все еще корча гримасы, и вдруг— совсем по-детски – показала язык. В этот момент, с каплями дождя в ресницах и грязным лицом, она показалась Сиду... очень милой.

– Вот идиот,– сказала Титька в сторону ныряльщика, когда он в пятый раз исчез под водой. – Пойдемте, не хочу видеть, как это недоразумение утонет.

БОБ послушно двинулся вперед, обходя карьер стороной. Сид еще раз оглянулся – «ушанка» что-то яростно кричал, размахивая руками, а его «работник» стоял перед ним, дрожа от холода и бессмысленности своего существования.

«Пустошь не меняется, – философски подумал Сид. – Всегдаумные пытаются выжить за счет дураков».

Титька двигалась впереди, её тело было подано чуть вперёд, словно антенна, улавливающая малейшие вибрации опасности. Гладкоствол в её руках был не просто оружием – он стал продолжением её взгляда, который методично, с профессиональной холодностью, прочёсывал каждый куст, каждый завал из веток, каждый излом рельефа.

Титька фильтровала мир через сито собственного инстинкта самосохранения, где шорох за поваленным деревом был важнее слов, а испуганная птица могла значить куда больше, чем любое предупреждение. Это была не паранойя, а язык, на котором Пустошь вела свои единственно честные диалоги.

Сид украдкой смотрел на ее спину, на влажные от дождя

волосы, тонкую шею. И хмурился. Ему стало казаться, что Титька какая-то особенная что ли.

Дорога извивалась серой лентой, вросшей в тело медленно оживающей земли. Двести лет назад здесь проезжали машины, несясь в будущее, которое так и не наступило. Теперь асфальт, вздутый корнями кривых деревьев, напоминал окаменевшие внутренности забытого гиганта. По обе стороны, в желтеющем полумраке леса, стояли старые одноэтажные дома – их облупившаяся краска была похожа на старую кожу, сброшенную змеёй-временем.

Сквозь проваленные крыши тянулись к свету молодые прутья клёнов, а из окон, когда-то хранивших уют семейных очагов, теперь свисали лианы плюща, словно похоронные гирлянды. Лес медленно и терпеливо пожирал следы цивилизации, превращая гордыню былой империи в удобрение для новой, равнодушной и вечной жизни.

БОБ уверенно тащил волокуши по разбитому покрытию дороги, обходя провалы и трещины, видимо уже научившись по вздохам и охам Сиды выбирать наиболее приличную дорогу. Дождь к этому времени превратился в мелкую морось, окутывая местность серой дымкой.

Сначала показалась старая железнодорожная станция – её облупленные стены ещё хранили следы довоенных объявлений: «Бостон – 20 минут», «Не курить на платформе». Полуразрушенный паровоз застыл на вечном причале, его ржавые колеса намертво вросли в искривленные рельсы. На крыше

вагона сидела куцая ворона и равнодушно наблюдала за путниками.

– Здесь когда-то кипела жизнь, – неожиданно сказал БОБ, сканируя местность. – Согласно моей базе данных, это была важная транспортная артерия.

– Теперь артерия перерезана, – мрачно заметил Сид, разглядывая огромную воронку, выломавшую пути и раскидавшую бетонные шпалы.

Затем дорога пошла вверх, к виадукам.

Эти монстры из бетона и стали всё ещё поражали воображение. Два яруса пустых дорог вздымались к небу, как каменные волны застывшего потопа. Где-то на высоте пятого этажа болтался одинокий автомобиль – два его колеса безнадежно свесились в пустоту.

Титька остановилась, впечатлённая открывшейся панорамой.

– Чёрт... Они действительно ездили поэтому? – она указала на остатки эстакады, где в бетонных барьерах зияли огромные пробоины.

– Еще как, мисс Ти, – отозвался БОБ, – Согласно архивным данным, скорость транспортного потока достигала 250 километров в час.

– Ну это ты махнул, Боб, – беззлобно удивился Сид. Его взгляд скользил по руинам, пытаясь представить, как это всё работало.

Они шли молча, под гул ветра, гуляющего в пустых про-

лётках виадуков. Где-то высоко над головой скрипел сорванный дорожный знак, качаясь на остатках креплений.

– Смотри-ка, – Сид указал пальцем на обвалившийся участок дороги. – Как думаешь, это от бомбы или просто время добралось?

Титька молча пожала плечами. Её глаза бегали по верхним ярусам – идеальное место для засады.

Внезапно БОБ замер на месте, его массивный корпус издал приглушенный скрежет тормозящих сервоприводов. Оптический сенсор, до этого мерцавший спокойным желтым, вспыхнул тревожным алым, и этот кровавый отсвет лег прямо в лужу его гусениц.

– Обнаружено движение. Три биологические цели. Дистанция – сорок шесть метров. Агрессивный паттерн поведения.

И в тот же миг, будто по неведомому сигналу, из чахлах зарослей у дороги поднялись три косматые головы. Блеск голодных, въедливых глаз, яркий на фоне грязных, заросших щетиной, лиц, длился лишь мгновение. Они встретились с бездушным стеклянным оком робота, уже развернувшего в их сторону многоствольный механизм минигана. С оглушительным металлическим урчанием стволы пришли в движение, готовые в любой миг выплюнуть свинцовый ливень.

Из кустов донеслось невнятное, захлебывающееся матерное бормотание, полное внезапной животной паники. И три головы разом нырнули вниз, бесследно растворившись в бу-

реющей листве, словно их никогда не было. Только сухой треск удаляющихся шагов.

– Коммунистическая угроза ликвидирована, мисс Ти, – усмехнулась Титька, предвосхищая и передразнивая БОБа, ее голос прозвучал сухо и одновременно весело.

Все-таки удобная вещь – боевой робот. Ни тебе лишних вопросов, ни тебе ненужных проблем.

III

Альянс возник перед ними неожиданно – как мираж из тумана дождя.

За высокими стенами из скреплённых железобетонных плит виднелись аккуратные постройки с настоящими стеклами в окнах. Над воротами красовалась вывеска с нержавеющей надписью "Добро пожаловать в Альянс", а по периметру стояли турели – новенькие, с лазерными целеуказателями.

– Чёрт... – Сид присвистнул, впиваясь пальцами в края волокуш. – Как будто в довоенный город попали.

Титька молча сжала оружие. Её глаза сузились:

– Слишком чисто тут. Слишком... неправильно.

Все тут как-то не по-человечески. Титька привыкла, что люди жили в хижинах из хлама, питались чем попало, ходили в обносках. Давно уже в Пустошах никто не живет в целых домах, потому что, целый, неповреждённый дом всегда таит в себе опасность: во-первых, это первое место куда припрутся рейдеры, на милый огонёк из окна, во-вторых – ра-

диация, которую и не унюхать вовсе, а в-третьих – примета такая, от чистых домов одни лишь несчастья.

А здесь даже воздух пах иначе – не гарью и гнилью, а дымком из печных труб и... жареным мясом?

Сид невольно сглотнул слюну – со вчерашнего дня не кормленный.

БОБ, как всегда, констатировал факты:

– Сэр, уровень радиации в пределах нормы. На стенах отсутствуют следы обстрелов. Вероятность враждебных намерений – 12,7%.

У ворот, под мерное тарыхтение пулемётных турелей, стоял человек, мужчина, в поношенной, но чистой кожаной куртке – Суонсон, как потом выяснится. Он был похож на вросший в землю столб – неподвижный, основательный. Плотная струйка дыма от самокрутки поднималась в сырой воздух, а его взгляд, холодный и наметанный, скользнул по фигурам путников, будто взвешивая каждую косточку, каждый намёк на угрозу. Он видел таких людей сотнями – грязных, изможденных, оборванных, с пустыми глазами и тугими рюкзаками.

– Новички?– бросил он, выдыхая дым. – Тест S.A.F.E. проходили?

Титька, не отводя глаз, отрицательно покачала головой. Ее взгляд скользнул по турелям на стенах, оценивая углы обстрела, и на мгновение задержался на пряжке ремня Суонсона – там, где мог находиться пистолет.

Со стороны она казалась спокойной – просто стояла, заложив большой палец за правый карман. Но в едва заметном наклоне корпуса, в том, как ступни уверенно стояли на земле, чуть расставленные для упора, читалась осторожная готовность. Это была не поза – это была застывшая динамика, как у змеи перед броском. Пальцы левой руки лениво барабанили по бедру.

Любой неверный жест здесь мог стать последним – это знание было для неё такой же основой существования, как необходимость дышать.

– Тогда вам сюда.– Суонсон коротким, точным жестом указал на будку у ворот, больше похожую на деревянный ящик с железной крышей, – Только железного оставляйте. У нас тут тесновато.

Его голос не допускал возражений. Это был не совет, а условие, пропуск в подобие рая, огороженного от беспорядочного зла Пустоши. И цена этого входа – доказательство собственной лояльности.

Взгляд Сиды то же прошелся по швам в бетонном заборе, оценивая высоту и прочность бетонных плит. Где-то наверху, прямо над затылком, с сухим, бездушным треском поворачивалась турель. Он почувствовал, как произвольно сжимает голову в плечи.

Здесь пахло не выживанием, а жизнью. И от этого становилось только страшнее. Уют, выставленный напоказ в мире, где каждый прячет свой кусок еды, пахнет приманкой. А

там, где приманка, всегда есть и капкан.

Но выбирать не приходилось.

Первым на вопросы отвечал Сид. Суонсон усадил его на старый скрипучий стул, сам уселся за стол напротив. Сид для удобства вытянул больную ногу, насколько это было возможно.

Вопросы были дурацкие:

– К вам подходит сумасшедший ученый и кричит: Я засуну свой квантовый гармонизатор в твою фотонную резонаторную камеру! Ваш ответ?

Ну тут понятно:

– Трубой по башке, и всех делов.

А дальше пошло-поехало:

– Вы – интерн в больнице. К вам приходит пациент со странным фурункулом на ноге. Заражение распространяется с невероятной скоростью. Однако врача нет на месте. Что вы будете делать?

– Понятия не имею, кто такой интерн.

– Вы уверены?

– Бля, более чем.

– Поздравляем! Вас приняли в бейсбольную команду? Какую позицию вы предпочитаете?

Сид даже не представлял, что такое «бейсбольная команда» все его знания о бейсболе умещались в два предмета: бейсбольная бита и бейсбольный шлем. И все... А бейсбольная команда представлялась двумя придурками – один оде-

вает шлем, другой от скуки лупит ему по башке битой.

А тут:

– Питчер Вы или Кетчер?

– Тот, кто по башке лупит... Вот кто!

И снова:

– Вы уверены?

– Уверен, мать твою!

Еле-еле нервов хватило этот тест закончить.

Титька отвечала на вопросы как будто все ответы заранее знала, уж могла бы и подсказать, если так. В общем Суонсон после тестирования Титьки выглядел более довольным, а на Сиду посматривал с подозрением, как будто Сид нарочно тупил. Но так или иначе Сид и Титьку в поселение пустили.

За воротами, покрашенными синей краской, открывался рай. Четыре аккуратных домика, дворики, огороженные ровным штакетником, живое дерево посреди основного двора, небольшой огородик справа. И... улыбающийся мэр.

– Добро пожаловать в Альянс, – седобородый дядечка в коричневом костюме и шляпе, сделал приглашающий жест рукой, – Джейкоб Орден, к вашим услугам, господа.

– Здравствуйте, – Сид растекся в улыбке. Титька промолчала – ей здесь не нравилось всё больше.

Орден, казалось, не замечал Титькиного недовольства:

– Молодому человеку мы приготовим спальное место в гостевом доме, но прежде его осмотрит доктор Патриция, кажется ему нужна медицинская помощь, – он елеино улыба-

нулся, – даму разместим в домике слева, там есть свободная кровать... Ну а работа поставим на задний двор. Этим займется мисс Талия, наш инженер, если вы не против?

Сид был не против. «Если всё будет нормально... хрен вы меня выгоните с этого поселения» – подумал он.

К БОБу подошла женщина в зелёном замасленном комбинезоне, покачав головой отсоединила волокуши, и увела робота за дом слева. Там БОБа накрыли брезентом от дождя и оставили одного, бурчать какую-то песенку.

Доктор Патриция встретила их в белом халате – невероятная диковина в Пустоши. Халат был чистым, лишь на рукаве виднелось бурое пятно, похожее на старую кровь.

– На стол, – коротко бросила она, указывая на кушетку с порванным дерматиновым покрытием, застеленную относительно чистым покрывалом.

Сид неуклюже попытался лечь, но у него ничего не получилось, хорошо Титька подхватила его под руки и помогла. Патриция без церемоний закатала его штанину, и срезала бинт, обнажив воспалённую рану. Отвратительный запах ударил в нос.

– Хорошие новости: гангрены нет, – констатировала она, тыча в мякоть пальцем. Сид скрипнул зубами. – Плохие новости – будет... если не прочистить рану и не зашить. 50 крышек... Деньги вперед.

– Сколько?! – у Титьки глаза на лоб полезли от таких запросов.

– Ну за бесплатно вы могли бы обратиться к болотникам, и дешево и результат быстрый, – Патриция усмехнулась, – Они вам сразу две ноги могут откусить... Ну так, что?

Сид поморщился, шутка про болотников была не смешной.

Титька хоть и не довольна была суммой, но докторшу понимала – почему деньги вперёд – в Пустоши, оказанная услуга совсем ничего не стоит. Она хмуρο отсчитала крышки. Впервые за какого-то балбеса, который даже элементарные тест пройти не может.

IV

Когда Сид проснулся под треск турелей и капель дождя за окном, он не поверил своим глазам. Так вокруг было уютно.

Он лежал на чистой постели – впервые за много лет, что уже забыл, каково это. Да и было ли такое когда-нибудь. Простыни пахли мылом, а не плесенью, подушка была мягкой, душистой, и не походила на свернутую собачью шкуру. Сид сунул руку под подушку, где лежал десятимиллиметровый – турели турелями, а своё оружие лишним не будет. Потрогал твердую, приятную рукоятку. И снова откинулся на кровать.

Стены дома были обклеены старыми выгоревшими обоями, да, кое где облезлыми, но обоями. На столах и тумбочках стояли вазы с цветочками. Пол был чистым. И главное – живот был полным. Настоящей едой, а не крысятиной пополам с радиацией.

Теперь Сиду совсем не хотелось выздоравливать. Вот так

бы и провалялся недельки две. Но Патриция сказала, что рану обработала и зашила, вколола стимулятор для ускорения заживления и завтра к утру Сид будет как новенький.

В дверь постучали. Сид даже немного опешил от такого, в обычае Пустоши открывать дверь с ноги, не спрашивая хозяев:

– Входите, черт побери...

Дверь открылась, и в комнату влетел Дизер – робот-помощник с реактивным двигателем, похожий на мятый железный мяч с торчащими вниз манипуляторами. За собой он тащил тележку с бутылками лимонада

– Лимонад Дизера поднимает настроение! Одна бутылка в день – залог здоровья! – запищал он, протягивая Сиду холодную бутылку.

Титька, возникла в дверях вслед за Дизером, кашлянула в кулак:

– Нас, вообще-то, трое. Разве Суонсон тебе не сообщил?

Дизер замер, его процессор зажужжал:

– Верификация... Голосовой анализ... – он повертел «головой», – Три гостя! Три бутылки!

Титька ловко поймала все три, подмигнула Сиду, сунула две ему под одеяло, третью распечатала для себя

– А ничего себе напитокочек, – сказала она, отхлебнув из бутылки.

Лимонад Дизера. Такого прекрасного напитка Сид в жизни не пробовал, даже с водой из чистой лужи не сравнить.

Первую бутылку осушил залпом, вторую пил маленькими глоточками, растягивая удовольствие.

Титька уже успела сходить в магазин и купила себе чистую клетчатую рубашку красного цвета, правда большего размера, но это было мелочью, и джинсы слегка потертые, заштопаннные, но все же лучше, чем те лохмотья, которые у неё были.

– Миссис Пени такая любезная, – задумчиво проговорила Титька, вспомнив разговор с продавщицей, – пожалуй слишком.

– Чего тебе все не нравится? Чисто, безопасно, лучше, чем в клетке? – спросил Сид, отхлебывая лимонад, – расслабься.

Титька только вздохнула. И повернувшись на каблуках ушла.

Сон навалился на Сида неожиданно, тяжелым, мягким покрывалом. Сквозь дремоту он слышал, как за окном тархтят турели, перестукиваясь на своем механическом языке. Дизер во дворе рекламирует свой лимонад. Ветер треплет большое, старое, дерево

Боль в ноге отдалялась, превращаясь в глухую стихающую пульсацию.

Хорошо...

Его разбудил грохот шагов.

Не просто шагов – а целое землетрясение, от которого дрожали стены и подпрыгивали вазы на столах. Сид приподнялся на локтях, зажмуриваясь как от внезапной вспышки

света, хотя в комнате царил полумрак. Рука быстро нырнула под подушку нащупывая пистолет.

На Альянс напали супермутанты?.. Почему тогда турели молчат?..

Сид с заспанным недоумением таращился в окно.

А там, по двору залитому светом фонарей, топал какой-то мудила в силовой броне. И спрашивал: то про Институт, то про какого то Шона, видимо потерявшегося собутыльника, то про Даймонд-Сити. За ним следом таскался робот-помощник, точь-в-точь похожий на Дизера и болтливей БОБа раз в пятьдесят. Звали его не то Косворд, не то Кодсворд. Он скрипел мерзким голосом:

– Какое очаровательное место. Конечно, если не обращать внимания на тюремные стены!

Какие тюремные стены? Да безопасней чем в Альянсе, ему в жизни не было. Сиду захотелось встать, взять кофейник и раздолбать его об глупую железную голову и заодно хозяйину настучать, что бы знал, что в приличном месте люди ночью спят, а не топают почем зря под чужими окнами.

Минут через двадцать мудила ушел, но Сид до того разнервничался, что уснуть больше не мог. Это ж надо, так все было здорово. И на тебе...

Глава 5. Морок обманчивых улыбок.

«Доверие – это роскошь, которую могут позволить лишь те, кто готов заплатить за неё кровью».

– Из дневника выжившего.

I

Серое утро прокралось в комнату неспешно, как улитка. Первые лучи солнца, вылезшего из-за жирной тучи, робкие и размытые, золотили пылинки в воздухе, но до углов еще не добрались, оставляя там уютные островки тени. Титька проснулась от приглушенного крика Дизера, зовущего всех на завтрак. В комнате пахло сонным теплом, а из-за двери доносился соблазнительный, согревающий, аромат кукурузной каши.

«Может, и правда ничего страшного в этом месте нет...» – мелькнула в голове осторожная мысль.

За окном, в мягком свете начинающегося дня, прозвучал беззаботный смех. Титька подошла к окну и увидела, как Пенни Фицджеральд – та самая женщина, что вчера продала ей чистую рубаху за две крышки – с нежностью поправляет воротник своему мужу, Брайану, начальнику охраны.

– Не забывай про обед, – ее пальцы ласково скользнули

по его шее, и Титьку вдруг, с неожиданной остротой, пронзило воспоминание: как когда-то, казалось, в другой жизни, её мать точно так же провожала отца в поле.

Титька невольно тронула свои губы – шершавые, потрескавшиеся от ветра Пустоши. Пенни заметила её взгляд и обернулась, ее улыбка была лучистой в утреннем свете:

– Доброе утро, мисс Ти. Вы хорошо спали?

Титька молча кивнула, не находя слов. Она смотрела, как Пенни заканчивает утренний ритуал – наносит на губы что-то блестящее, подводила глаза угольком. Косметика. В Пустоши – неслыханная роскошь, доступная лишь избранным.

– Вы красивая, миссис Пенни, – вырвалось у Титьки, прежде чем она успела об этом подумать.

Женщина рассмеялась, и звук этот был легким и серебристым, как облако.

– А Вы хотели бы быть такой же красивой?

Титька опустила глаза, чувствуя, как по щекам разливается краска.

– Это... невозможно.

– Всё возможно, – с теплой уверенностью в голосе сказала Пенни и позвала Дизера: – Принеси ванну. И никого не впускай.

Что было дальше – Титька запомнила, как сон, окутанный ароматом и теплом.

Горячая вода, смывающая остатки сна. Пена, наполняющая воздух невесомым, утренним ароматом. Пенни, смыва-

ющая с её кожи следы вчерашней дороги, и с каждым движением губки Титька чувствовала, как просыпается не только тело, но и какая-то забытая лёгкость. Настоящее мыло, пахнущее полевыми цветами, от которого кружилась голова. Пенни, аккуратно и терпеливо смывающая с её кожи слои пустошного пота и пыли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.